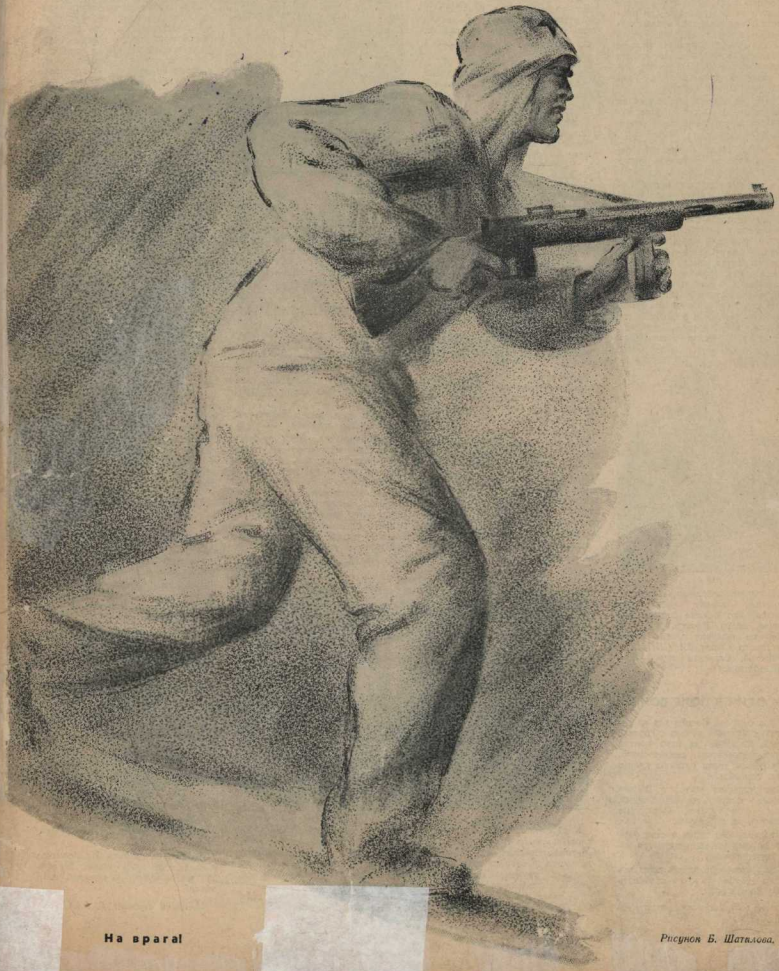
Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Смена

XX 101/1
XX 101/1
Всесоюзная библиотека имени В. И. Ленина

№ 1-2
ЯНВАРЬ 1942 г.
XIX ГОД ИЗДАНИЯ
Двухнедельный военный журнал ЦК ВЛКСМ
Издательство „Правда"



На врага!

Рисунок Б. Шаталова.

БУДНИ ВОЙНЫ

В ОСАЖДЕННОМ ТАНКЕ

Танк возвращался к исходной позиции. Комсомольский экипаж его поработал наславу. Только что были подавлены и уничтожены десятки огневых точек и противотанковая батарея врага, истреблено свыше двадцати гитлеровцев... Вдруг огромная машина качнулась в сторону и грузно осела. Волчья яма! Ее нельзя было заметить даже вблизи. Танк стал заполняться водой.

Сразу же немцы взобрались на танк и стали бить по броне кувалдами, молотками, дико вопя:

— Рус, сдавайся!..

В ответ Иван Селиванов, башенный стрелок, выражая мысль всех сидевших в танке, крикнул:

— Эй, вы, арийская мразь! Советские воины в плен не сдаются!

Немцы, обозленные неудачей, решили взорвать танк. Они подложили под моторное отделение толл и зажгли шнур. Раздался взрыв. Радист Скрипко, меняявший диск пулемета, был сражен на боевом посту. Еще один взрыв... Комсомольцы мужественно смотрели в лицо смерти. Они стояли, тесно сгрудившись в верхней башне танка, по колени в ледяной воде. Прошел час, другой, третий... Немцы продолжали бесноваться, били кувалдами, стараясь проломить броню. Отлетели кое-где болты, замки.

Кто-то из немцев просунул в отверстие танка лопату. Командир машины Виктор Хохол приказал:

— Селиванов, прочти прохвоста!

Селиванов выстрелил из пистолета — немец застонал и свалился с танка. Показался офицер. Командир сам застрелил его из нагана.

Вода доходила осажденным до пояса. Танкисты извлекли и разорвали на клочки свои документы, чтобы они не достались врагу. При себе оставили только комсомольские билеты. Фашисты делали отчаянные попытки захватить в плен советских воинов. Но никто из комсомольцев не струсил, каждый решил лучше погибнуть, чем попасть в лапы кровавого фашистского зверья.

Механик-водитель комсорг Владимир Скачков заметил, что в воде, которой наполнился танк, плавают сухари.

— Ребята, сухари пропадают, давайте уничтожим их, чтобы не доставались немчуре!

Танкисты, стоя в воде, плотно покушали и готовились бороться до конца.

Вдруг все стихло. Немцы ушли, решив, вероятно, что танкисты все равно захлебнутся. Наступил вечер — восьмой час пребывания в осажденном танке. Командир машины приказал открыть люк.

Первым выскочил командир орудия Виктор Крылов, за ним остальные члены экипажа.

Поползли, осторожно разгребая снег. Немцы заметили советских танкистов и открыли по ним бешеный огонь. Погиб Крылов, остальные, отстреливаясь, продолжали двигаться вперед.

Через час их радостно встречали товарищи.

Политрук С. ГУРИН

Этот отважный молодой летчик безустали громит фашистских пиратов. Его боевые заслуги известны всему фронту. Не так давно он получил звание Героя Советского Союза. НА СНИМКЕ: летчик А. Степанов перед боевым вылетом.

И ОДИН В ПОЛЕ ВОИН

Красноармеец Воснов вез на передовые позиции кухню с горячей пищей. Внезапно на него напала группа фашистских автоматчиков. Уже издали были слышны крики: «Рус, сдавайся!»

Выстрелом из винтовки Воснов уложил одного из нападавших, затем еще двоих. Остальные скрылись за деревьями.

Красноармеец залег и стал бить по каждому показывающемуся из-за укрытия врагу.

Все попытки фашистов захватить кухню разбились о стойкость храброго ездового.

(Из фронтовой газеты.)

Свистят вокруг головы пули, рвутся мины, ливал огня готов смести с лица земли все живое, но связисты привыкли хладнокровно смотреть в глаза опасности. Вот и сейчас сержанты В. Симонов (слева) и И. Сичов под обстрелом врага тянут провод к командному пункту.

УПОРСТВО ПАРТИЗАНА

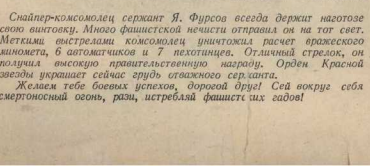
Когда немцы подходили к городу П., юноша Коля Ф. ушел в лес. Он стал партизаном.

Однажды, когда он шел в разведку, на него неожиданно напали фашисты. Они стали допытываться:

— Где скрываются партизаны? Где спрятано оружие?

Но Коля знал: надо молчать. И он не проронил ни слова. Ни угрозы, ни пытки не сломили волю молодого патриота. Тогда его повели в штаб. Дорогой он сбежал от конвоя, но со своим отрядом соединиться не мог. Он не сложил оружия. Вскоре ему удалось организовать свой партизанский отряд, который активно действует в тылу у врага.

(Из письма комсомольцев-партизан.)



Снайпер-комсомолец сержант Я. Фурсов всегда держит наготове свою винтовку. Много фашистской нечисти отправил он на тот свет. Меткими выстрелами комсомолец уничтожил расчет вражеского миномета, 6 автоматчиков и 7 пехотинцев. Отличный стрелок, он получил высокую правительственную награду. Орден Красной звезды украшает сейчас грудь отважного сержанта.

Желаем тебе боевых успехов, дорогой друг! Сей вокруг себя смертоносный огонь, рази, истребляй фашистов их гадов!

СВЯЗИСТ

Связист батареи Устюшин потерял связь с наблюдательным пунктом. Телефонная трубка не подавала никаких признаков жизни. Устюшин молча передал трубку помощнику, а сам побежал разыскивать место обрыва. Надо было «свести концы с концами». Но оказалось, что больше метра провода вырвало миной и отнесло куда-то в сторону.

Батарея ждать не может. Что делать?

«Необходимо включиться в линию»,— решил тут же связист. Он взял в правую руку один конец провода, затем дотянулся и ухватил левой рукой другой конец. Оба конца были оголены от изоляции и кусались на морозе. До конца боя, под разрывами снарядов, с широко раскинутыми руками стоял на боевом посту связист.

А теплые варежки лежали на снегу у его ног.

Е. В.

ПОДВИГ ГВАРДЕЙЦА

Величайшее мужество в боях за деревню Л. показал комсомолец Иван Котик. Когда на его взвод неожиданно бросились три вражеских танка и до роты пехоты, артиллеристы своим огнем остановили движение танков. Фашисты хотели миновать зону артиллерийского огня. Подпустив вражескую пехоту на 300—400 метров, Котик приказал расчету дать несколько залпов картечью. Рота фашистов была рассеяна. Орудие тоз. Котик уничтожило в этот раз 4 танка, 15 пулемета, 4 миномета и разрушило склад боеприпасов.

Младший политрук ИВАНОВ.

ОТПЛАТИМ СПОЛНА

Недавно лейтенант Самсонов собрал нас и говорит:

— Друзья! Фашистские гады ранили нашего товарища, сержанта. Мы должны отомстить за пролитую кровь!

Жажда мести вспыхнула у нас в сердцах. Дорогой ценой оплатят фашисты кровь нашего товарища.

Подобрался я поближе к немцам. Слежу. Притаившись, я заметил сквозь листву троих немцев. Один из них рыл окоп. Потом он поднялся, подошел к стогу, взял охапку сена и направился обратно.

«Так-так,— думаю,— хочешь воевать с удобствами. На же тебе!»— и спустил курок.

Фашист немедленно грохнулся оземь, а другие сбежали.

Один есть!

Я решил уничтожить еще одного гитлеровца.

Мне снова повезло. Из лесочка вышел еще один немец. Я его тут же за мушку— и поминай, как звали.

Младший сержант Г. САХИЕВ

XX 101/1

«В. И. Ленин в Смольном в октябре 1917 года». С картины художника Хвостенко.

XLIII-2071

Е. ШЕВЕЛЕВА

ГОРОД ЛЕНИНА

Поднялся город Ленина опять,
Как в прошлые, прославленные годы.
Не победить врагам его свободы,
Как невских вод не повернуть им вспять!
Здесь шли кронштадтцы, защищая город,
С борта «Авроры» прогремел снаряд.
Здесь Смольного глухие коридоры
Звук ленинских шагов еще хранят.
Балтийский ветер пенится с утра.
Забиты, перекрещены витрины.
И в битву мать благословляет сына,
И вздыблен над заливом конь Петра.
А с суши рвами опоясан город.
Их рыли женщины и старики.
И берегут родные «ястребки»
Большого неба грозные просторы.
Да, как мы можем не гордиться ими,
Сынами города?
Тот не умрет,
В ком пламенеет ленинское имя,
Кому оно велит смотреть вперед.

МИХАИЛ СВЕТЛОВ

ДВАДЦАТЬ ВОСЕМЬ

ВСТУПЛЕНИЕ

Положи на сердце эту песню,
Эту строчку каждую возьми!..
Жизнь гвардейца! Повторись!
Воскресни
Песнею о двадцати восьми!

Проходи, мой стих, путем победным,
Чтобы, изучая, не спеша,
Не дымком воспоминаний бледным —
Дымом артиллерии дышать!

Проплывут гвардейские знамена,
И ракеты вспыхнут на пути,
Каждого гвардейца поименно
Пригласив в бессмертие войти.

Вытирая о ступеньки ноги,
Он взойдет тихонько по крыльцу,
Он войдет и встанет на пороге
Песни, посвященной храбрецу.

Бледный и усталый от сраженья,
Он войдет и скажет на ходу:
«Я в грязи, а здесь — стихотворенье!
Лучше я, товарищи, уйду!»

Оставайся! Мы тебя не пустим!
Здесь твой дом! И здесь твоя семья!
Лучшая учительница чувством —
Русская застенчивость твоя!

Домовитый, мужественный, честный,
По-хозяйски посмотри вокруг.
Песня без хозяина — не песня!
Будь ее хозяином, мой друг!

Потому что каждая страница —
Мужества широкие поля,
Песнями, легендами, пшеницей
Русская богатая земля!

Заходи же! Ты имеешь право!
Ты бессмертен! Ты — хозяин тут,
Потому что реки нашей славы
В океан бессмертия текут!

И опять идут за ротой рота
В смертный бой, и впереди взгляни —
Большевистской партии высоты,
Комсомола яркие огни!

КОМСОМОЛ

Комсомол! Это слово давно
Произносится мной нараспев.
Это партии — ранний посев,
ВКП золотое зерно.

Старость начисто юность сметет,
Я до старости чуть не дошел,
Слышу — мужество в марше идет,
Оборачиваюсь — комсомол!

Ты меня через годы провел,
Терпеливо учил сочинять...
Мне б до старости Славу догнать!
Задыхаясь, догнал — комсомол!

Ты и Слава и Мужество ты!
Ты — большое семейство одно,
Поднимаясь горам на хребты,
Опускаясь ущельям на дно.

Через снег, через топи болот
Миллион комсомольцев идет.
Это выдумать даже нельзя,
Чтобы были такие друзья!

Коммунист! Комсомолец! Боец!
Нам назад отступать не дано!
И тогда двадцать восемь сердец
Застучали, как сердце одно.

И тогда молодой политрук
Посмотрел на себя, на ребят —
Двадцать восемь протянутых рук,
Двадцать восемь взведенных гранат!

КОГДА УМИРАЮТ ГВАРДЕЙЦЫ

Тебе не расстаться с шинелью,
Ни разу уже не раздеться...
Снега! Поднимитесь метелью,
Когда умирают гвардейцы!

Звезда боевого ночлега
Над нами мерцает, как раньше...
Трава! Поднимись из-под снега
Приветствовать наше бесстрашье!

С врагом до последнего биться
Вело нас гвардейское знамя...
Последних минут очевидцы
Склонитесь, березы, над нами!

Идем, политруком ведомы,
К победе и смерти готовы...
Эх, жаль, что далеко до дому
И ворон — не голубь почтовый!

Подружка моя молодая,
Не станет невеста вдовою...
Огонь по переднему краю!
За мною, гвардейцы, за мною!

Сибирской ночной тишиною
Покрыта Тамбовская область...
За мною, гвардейцы! За мною!
На подвиг, на славу, на доблесть.

Заснежена наша избушка,
Мальчонка играет с собакой...
Гвардейцы! Фашиста — на мушку!
За мною, гвардейцы, в атаку!

Мы вновь не увидимся, будто...
Прощайте навеки, родные!
Предсмертной разлуке — минута,
А родине — все остальные!

Мы жили семьею счастливой,
Мы прожили век, не скучая,
Гранат и снарядов разрывы
Гвардейскою шуткой встречая...

Все ближе стучат автоматы,
И танки надвинулись глухо...
Но сталь и железо, ребята,
Помягче гвардейского духа!

Друзья! Мы не будем забыты!
По капле всю кровь свою отдав,
Мы были почетною свитой
Союза советских народов!

Лети же, последняя пуля,
И в горло тевтонское вбейся...
Бессмертье встает в карауле,
Когда умирают гвардейцы!

ЗАВЕЩАНИЕ

Ушла гвардейская семья,
И расспросить об этом некого...
Вставай, фантазия моя,
На пост разъезда Дубосеково.

По пядям землю осмотри
В снегах молчании угрюмого,
И каждый подвиг повтори,
Бессильная сама выдумывать!

Ты собери по капле кровь,
Ползя полями невесельными,

Чтоб стали двадцать восемь вновь
Земли советской новоселами.

Не устилай поля атак
Ни горестью и ни печалями...
Гвардеец скажет: — Нет! Не так,
А веселее умирали мы!

Достойно смерть свою встречал,
Как будто жизнь встречает заново,
Так — я свидетель — умирал
Мой друг Крючков Абрам Иванович.

Сознав, что сделал все, что мог,
Спокойно, как всегда, как давеча,
Недвижно Добробабин лег —
Так смерть нашла Иван Евстафьича.

Но веселее всех бойцов,
Как будто сто сердец в груди его,
Погиб наш политрук Клочков,
Которого я знал, как Диева!

Пусть мне сто лет прожить сулят,
Пусть вечность поднесут на блюдечке, —
Я политрука и ребят
Покину, только мертвым будучи!

И Шепетков — земляка,
И Сенгирбаева — татарина —
Но только жизнь одна пока
Бойцу с рождения подарена.

И мне, дружок, не по плечу
Наш общий подвиг обнародовать,
Я только жизнь свою хочу
В гвардейской схватке израсходовать.

Враги зарылись под огнем,
И некуда, проклятым, деться им —
Земля на тыщи верст кругом
Полна советскими гвардейцами!

Споют о нас в краю родном,
И, может, строчка в песне выльется
И обо мне, как об одном
Из двадцати восьми панфиловцев.

Я в полный рост шагал сквозь дым,
Не встал ни разу на колени я —
Так передай друзьям своим
И остальному поколенью.

Поэт! Приветствуй мой народ,
Поздравь его с победой скорою...

Так гвардия идет вперед,
Так продолжается Истории!

ГВАРДЕЙСКАЯ ПЕСНЯ

Гвардейцы! Мы прожили годы не зря,
Недаром в сражения шли!
Над нами не раз поднималась заря —
Гвардейское знамя земли.

Родная страна провожала бойца,
Прощались — и не было слез,
Когда уносили мы наши сердца
От русских, от белых берез.

В бои неустанно — опять и опять —
Гвардейское наше житье!
И смерть удивлялась, не в силах
понять,
Что так презирают ее!

Мы шли через воду, огонь и картечь
Родную страну защитить,
Как сказку, которую надо беречь,
Которую век не забыть!
Не знать отступлений, всегда
наступать —
Такая привычка у нас!
И Сталин еще не успел подписать —
Гвардеец исполнил приказ!

Вот так мы сражаемся, дышим, живем
Великой гвардейской семьей.
Придем мы к победе и в песню войдем,
Как люди приходят домой!

ПИСЬМО

Мы с утра занимаем окоп,
Кочку каждую оберегая...
Я далеко и ты далеко...
Что ты скажешь, моя дорогая?

Много смерти
И много огня,
Много кровью набухшего поля...
Ты навряд ли увидишь меня...
Как ты думаешь, милая Поля?

Ты уйми свое девичье горе,
Ты пойми, что, поднявшись в атаку,
Твой любимый Петренко Григорий
Не хотел, чтобы кто-нибудь плакал.

Пусть я буду убит наповал,
Вспоминай о гвардейце без плача...
Он любимую родину звал
И тебя называл не иначе.

Сколько в Республике нашей
Раздолья
И сколько похожей на нас
Молодежи!
На Север до полюса
(похоже на «Поля»).
На Запад до Польши
(тоже похоже)!

Протянулось пространство
Далеко на Восток
(Каждый речки изгиб,
Будто твой локоток).

Над Воронежем (думаю)
падает снег
(Там, где девичий твой
Приготовлен ночлег),
А южнее, небось,
Очень много тепла
(Будто ты там жила,
или только была)...

Смерть идет через снежный туман,
Наши головы сея вокруг.
Вот упал Добробабин Иван,
Вот лежит — недвижим — политрук.

Вот склонился к плечу моему
Сенгирбаев — сподвижник мой старый...
(Я никак не пойму, почему
Воевали с Россией татары.)
Мы лежим под свинцовым дождем,
И простое желанье у нас:
Жаль, что Сталин узнает потом,
Я б хотел, чтоб узнал он сейчас!

За стеною кремлевских зубцов
Он склонился, за битвой следя,
И легли на портреты бойцов
Огорченные руки вождя...

И вот мы лежим —
Все двадцать восемь —
Будто погибает
Одна семья...
Помни о нас —
Мы тебя очень просим,
Кровь моя!
Любовь моя!
Дорогая моя!..

Гвардейцы, в атаку! Прощай...
Некогда...
Запомни навек
Политрука слова:
— Велика Россия, а отступать
некуда —

Позади — Москва!..

Проходит ночь. Шум боя стих...
К утру бойцы оцепенели.
Заря окутывает их
Своей сияющей шинелью.

САЛЮТ

К утру огонь пулеметов ослаб
И гул минометов стих...
Горе мое проникает в штаб,
Минув всех часовых.

Командный пункт. Пустой блиндаж.
Глухой коридор земли
Безмолвен... Скажи, часовой, куда ж,
Куда же они ушли!

Черной стеною стоят леса,
Снежный лежит простор...
Ушел батальон, ушел комиссар,
Ушел генерал-майор.

Бойцам отдают последний привет,
Воздают посмертную честь.
Оркестра нет, и траура нет,
Молчанье гвардейца есть!

И это молчание, выйдя в бой,
Дивизии опередив,
Взорвется над вражеской головой,
Как ста Германий разрыв.

Мы в этих складках сомкнутых губ
Такую месть храним,
Такую боль, что нехватит труб,
Когда мы заговорим!
И в залп троекратный бойцы сольют
Ненависть, месть и боль...
Товарищ начальник! В общий салют
И этим стихам позволь!

И если в поэме вымучки нет,
Обучи ее и поправь,
Чтоб строем гвардейским шел поэт,
Смертию смерть поправ.

Чтобы песня вперед устремилась,
Лобовою атакой гремела,
Чтобы все, что на мне, — задымилось,
Чтобы все, что во мне, — запело!

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мир наступит, землю согревая,
Унося артиллерийский дым...
Все, что мы сейчас переживаем,
Мы воспоминаньям отдадим.

Мы пойдем путем подразделений
За воспоминаниями вслед,
Вспомним горечь первых отступлений,
Сладость завоеванных побед.

По минуте каждой повторится
Наш сегодняшний военный день,
И мгновенно память озарится
Пламенем горящих деревень.

И сквозь годы память, как начальник,
Снова поведет нас за собой,
Пробираясь темными ночами
Темной партизанскою тропой.

Вспомним, как мы время измеряли
По движению пулеметных лент,
Как в бою друг друга не теряли
Комиссар, боец, корреспондент.

Как стихи писали, как на месте
Останавливалось перо
В ожиданьи утренних известий
От Советского Информбюро.

Как в окопе боевые сутки
Проводили взводом сообща,
Как шипящий круглый репродуктор
Имена героев сообщал.

В этом гуле пушечных раскатов
Никогда не забывайте их,
Навсегда на сердце отпечатав
Имена погибших и живых.

И чтоб лучше видеть это время,
Все пространство пройденных путей,
Соберите молодое племя,
Поднимите на руки детей.

Чтоб они, войдя веселым строем
В нами завоеванные дни,
Научились подражать героям,
Поступали так же, как они!

Секретарь ЦК ВЛКСМ
Ф. НАСЕДКИН

СЕГОДНЯ ВСЕВОБУЧНИК—ЗАВТРА БОЕЦ

Нет сомнения, что любой из нас горит желанием как можно скорее и беспощадней разгромить ненавистного врага. Но одного желания мало: нужно и умение победать. Этому надо учиться настойчиво, упорно, развивать в себе качества искусного, смелого и вынослИвого воина.

В нашей стране введено всеобщее военное обязательное обучение. Так выполняется один из важнейших заветов Ленина, гласящий: «Народу нужно поголовно учиться владеть оружием...»

Миллионы советских граждан овладели в командах и на учебных пунктах Всевобуча искусством воевать. Многие из них уже применяют полученные знания на полях сражений. Страна продолжает неустанно готовить все новые и новые полки и дивизии, могучее пополнение рядов нашей армии.

Трудно переоценить роль и значение всеобщего военного обучения. Оно дает возможность создавать неисчерпаемые резервы полноценных бойцов Красной Армии, отлично изучивших современную военную технику. Всевобуч должен быть в центре неослабного внимания всех комсомольских организаций, объектом неусыпных забот всего комсомола.

Многие комсомольские организации правильно поняли свой долг и стали подлинно душой Всевобуча.

В депо станции Куйбышев работают 26 комсомольцев. Все они систематически выполняют по 2—3 нормы. Одновременно напряженный труд на производстве не мешает им быть и отличниками Всевобуча. Все 26 юношей успешно закончили программу военного обучения. Они не удовлетворились достигнутым. На комсомольском собрании, обсуждавшем итоги Всевобуча, молодые патриоты решили продолжать совершенствоваться в военном деле. Комсомольцы овладевают искусством гранатометания, учатся отлично ходить на лыжах, метко стрелять, слушают доклады о военных операциях на фронтах отечественной войны, читают специальную литературу.

Надо всегда помнить слова товарища Калинина: «...Перед комсомольской организацией стоит задача — подготовить комсомольцев к войне, к активному участию в ней». А война, как известно, — дело весьма серьезное. Быть готовым к этому испытанию, закалять себя физически и морально — в этом смысл дальнейшего военного образования комсомольцев. Чем больше военных знаний будет приобретать молодежь, тем лучше она будет подготовлена. Но что значит подготовить себя к войне?—ставит вопрос товарищ Калинин, и тут же дает на него ответ: «К ней надо готовиться конкретно. В современной войне применяется огромное количество разнообразных технических средств. Надо не только научиться ими пользоваться для поражения врага, но и уметь сохранить себя, как бойца».

Быть полноценным бойцом Красной Армии,—значит в совершенстве владеть современной боевой техникой, проявлять дисциплинированность, инициативу, находчивость, а главное, до конца, до последнего своего вздоха, сохранить верность своей отчизне, народу, любимому отцу и другу советской молодежи, великому Сталину.

Мне бы хотелось рассказать о подвиге комсомольца-бойца Абрама Петросьяна. С помощью подлой провокации немецким диверсантам удалось захватить его в плен. Фашистские мерзавцы зверски издевались над безоружным комсомольцем. Они мучили его, требуя, чтобы он сообщил сведения о наших частях, пытались воздействовать на него не только угрозами, но и посулами и подкупом. Тщетно! Петросьян стойко переносил пытки и истязания, с негодованием отвергая подачки. Немцы не добились от него ни слова. Тогда они бритвой вырезали на щеке героя пятиконечные звезды. Убедившись, что им не удастся заставить советского патриота стать предателем, фашисты решили его расстрелять. Петросьян сумел бежать. Вот что рассказывает он об обстоятельствах своего спасения из рук немецких бандитов:

«Ко мне подбежали немцы и сорвали с меня одежду. Снял нательное белье, они начали избивать меня, выдергивать волосы на моей груди. От нестерпимой боли закружилась голова. Я упал. После всех издевательств враги вывели меня на улицу. Около землянки лежали два замученных красноармейца. Лица их были изрезаны ножами.

— Могилу рой на троих! — кричал мне немецкий ефрейтор.

Я взял лопату и стал копать.

Два офицера и ефрейтор наблюдали за работой. Они вынесли к могиле отобранные у меня гранаты, бутылки с горючим. Вскоре подкатил мотоциклист. То был, вероятно, связной из штаба. Он отозвал офицеров в сторону и начал им что-то рассказывать.

Ефрейтор, охранявший меня, стал прислушиваться к разговору. Размахнувшись, я ударил его лопатой по голове, фашист упал без единого звука. Я схватил гранаты, одну бросил в офицеров, другую — в окоп.

Вслед за взрывами раздались выстрелы. Пуля попала мне в ногу, вторая задела голову. Оказалось, что один из офицеров был еще жив. Я набросился на бандита и задушил его. Потом схватил бутылку с горючим и пополз к линии фронта. Силы мне изменяли, по лицу текла кровь.

Около линии обороны немцев я заметил двух фашистских солдат. Они стояли на моем пути. Свернуть я уже не мог: не хватало сил. Собрав всю энергию, я пронесся и швырнул в фашистов бутылку с горючим. Очнулся я уже на руках красноармейцев и командиров этского полка».

Пусть каждый комсомолец, каждый молодой человек стремится быть похожим на Абрама Петросьяна! Комсомольские организации следует воспитывать будущих бойцов Красной Армии на героических примерах наших воинов, с невиданным мужеством ведущих борьбу с немецкими оккупантами.

Военное обучение и политическое воспитание молодежи неотделимы друг от друга. Там, где хорошо поставлена политическая пропаганда, где воспитательная работа сочетается с военной подготовкой, там и успехи велики.

Заканчивается первая очередь обучения. В скором времени начнется подготовка второй очереди нового пополнения Красной Армии. Она должна быть проведена еще более успешно, чем первая. Качество обучения в значительной мере будет зависеть от работы комсомольских организаций, от их инициативы, энергии, уменья организовать молодежь и вести среди нее воспитательную работу.

В системе Всевобуча создаются комсомольско-молодежные подразделения снайперов, станковых пулеметчиков, автоматчиков, истребителей танков, минометчиков. В сжатые сроки мы должны дать фронту большое количество хорошо подготовленных бойцов этих специальностей. Долг органов Всевобуча и комсомольских организаций — взять под свое неослабное внимание работу этих подразделений, оказывать им деятельную помощь, вести с ними политико-воспитательную работу.

Много больших, серьезных задач выдвигает Всевобуч перед комсомольцами. Каковы же эти задачи? Всех их не перечесть, о некоторых же, важнейших, поговорить нужно.

Во-первых, комсомолец обязан являть пример для всей молодежи. В нашем представлении комсомолец—это образец воина, умелого, культурного, дисциплинированного, отлично владеющего современным оружием, изучившего тактику боя. Иным комсомолец-всевобучник не может и не должен быть.

Во-вторых, каждый комсомолец должен быть неустанным и пламенным пропагандистом и агитатором. Глубоко ошибается тот, кто думает, что бойцу достаточно хорошо знать одно лишь военное дело, а все остальное его не касается. Вреднейшее заблуждение! Сила бойца Красной Армии в том и состоит, что он знает, во имя чего идет в бой, за что отдает свою кровь и жизнь.

Нужно использовать каждую возможность, каждую минуту свободного времени для агитационной работы. Несите слово большевистской правды в массы! Рассказывайте бойцам, какую страшную участь готовят фашисты советскому народу, нашей свободолюбивой молодежи, как они зверствуют во временно оккупированных районах. Никакой пощады врагу! Советский народ не сложит оружия до тех пор, пока не будет наша земля очищена от нашистской нечисти!

Устные беседы, «стенгазеты, «боевые листки» — все средства агитации должны быть пущены в ход.

Комсомольцы должны позаботиться о том, чтобы военное обучение велось в условиях, максимально приближенных к боевой обстановке. Одними лекциями, одной только «словесностью» хорошего бойца не подготовишь. Между тем кое-где военное обучение проводится в закрытых помещениях; в сильные морозы бойцов не выводят на улицу. Занятия ведутся только по теории, без практических наглядных пособий. Толку от такой, с позволения сказать, учебы мало. Не в теплинках условиях надо воспитывать будущих бойцов. Если мы сейчас не сумеем закалить нашу молодежь, приучить ее к тяготам походной жизни, научить ее выносливости,— в будущем нам придется горько раскаиваться.

Для успеха занятий по Всевобучу нужна материальная база, нужны наглядные пособия. Без этого учеба невозможна. Многое можно сделать на месте, в любом колхозе, в любом поселке, не говоря уже о городе. Дело это нехитрое. Учебную винтовку, гранату, пулемет, чучела, различные наглядные пособия великолепно могут сделать сами обучающиеся.

Комсомольцы, наконец, должны воспитывать в себе и в своих товарищах такие необходимые для бойца качества, как острая революционная бдительность, чуткая настороженность. Известно, что коварный враг не останавливается ни перед какими провокациями, ни перед какими подлостями, чтобы дезорганизовать наш тыл, посеять панику в рядах бойцов, населения, подорвать в нашем народе веру в неизбежный разгром фашизма. Подлым проискам врага противопоставим железную выдержку, стойкость, хладнокровие и неусыпную бдительность. Будем беспощадны к шпионам, ко всякого рода агентам немецкого фашизма, к трусам, паникерам, шептунам, предателям!

Всем своим поведением комсомолец обязан показывать образцы революционной организованности и выдержки.

Сегодня всевобучник—завтра боец. Быть готовым с честью нести высокое звание защитника родины, уметь метко и беспощадно разить фашистов, гордо и бесстрашно смотреть опасности в глаза, ускорить начавшийся разгром фашизма, приблизить час расплаты с врагом—в этом сейчас смысл жизни молодого патриота.

КОМАНДИР ТАНКИСТОВ

Командир Первой танковой бригады генерал-майор танковых войск М. Е. Катуков (справа) и комиссар бригады М. Ф. Бойко.

Комиссар нагнулся и осторожно тронул Катукова за плечо:

— Генерал, командирское пополнение прибыло.

Катуков привстал с матраца, брошенного на каменный пол, потер глаза, выпрямился и мгновенно распрямил складки шинели. В тесном, задымленном подвале, который генерал в шутку прозвал «пещерой Лихтвейса», было полуденному шумно. Входили и выходили, офицеры связи. Солидный врач длинно и обстоятельно корил кого-то, виновного в том, что в походную баню привезли мало воды. Инструктор радиовещания, стараясь перекричать всех, рассказывал, как внимательно слушали немецкие солдаты организованную сегодня для них передачу: «Аж из блиндажей повыскакивали!» Подполковник Кульвинский, отгородившись плащ-палаткой, докладывал по телефону:

— Все в порядке. Не хватает только шпор... Хозяйство три восемь прибыло... Консервы? Консервы готовы!..

Генерал улыбнулся: все обстояло вполне нормально. Проспись он в мягкой постели, в тихой и пустой комнате,— наверняка почувствовал бы, что ему чего-то не хватает.

— Командирское пополнение прибыло, генерал, — повторил комиссар. — Пора начинать...

Командиры ждали в соседнем отсеке подвала, усевшись на изломанных школьных скамьях (когда-то над этим подвалом стоял дом, но в доме был техникум). На столе мигала керосиновая лампа, и желтые блики ложились на обнаженные, не по летам строгие лица.

— Ну, здравствуйте, товарищи, — негромко сказал генерал, входя в отсек.

— Здрасте! — грянул ответ, и командиры вытянулись в струнку перед человеком, о котором они так много слыхали.

Они вглядывались в спокойное, немного усталое, худощавое лицо генерала, в котором сочеталась какая-то домашняя, обыденная мягкость с решимостью военного человека. Немного удивляла некоторых рубаха красноармейская шинель генерала, из-под ворота которой виднелась серая фуфайка. Катуков перехватил недоуменный взгляд молодого лейтенанта, и в глазах его зажглась и сразу погасла лукавая искорка.

— Ну, кто здесь есть из наших ветеранов? Товарищ Зайцев? Отлично. Помню вас. А остальные? Все воевали? Отлично! Начнем знакомиться. Кстати, вот что: полушубочки придется вам снять. Конечно, это вещь неплохая, но мы командиров бережем. Милая это мишень, для немецкого снайпера! Поедете в тыл — надевайте полушубок. Идете в бой,— будьте добры: шинель и фуфаечку. Вот как наш комиссар, — и генерал указал на стройного, молоденького затянутого в шинель своего соратника, стоявшего рядом. — Понял? Это, так сказать, к слову...

Катуков на минуту умолк, прислушался к грохоту ближних разрывов (операция, за которой он внимательно следил со вчерашнего вечера, развивалась успешно) и продолжал:

— Так вот, товарищи, вы прибыли в Первую гвардейскую танковую бригаду. Служить в нашей бригаде — большая честь. Думаю, что справитесь. Сказать вам надо многое, и за один раз обо всем не упомянешь. Запомните главное: воевать надо умеючи. Война — дело долгое, и вам с вами очень важно как можно дольше уберечь и людей и машины.

Генерал потянулся через стол и взял запыленные аптекарские весы, каким-то чудом уцелевшие в этой сутолоке, — последнее упоминание о некогда существовавшем физическом кабинете техникума. Задумчиво покоробав их роговые чашечки, он сильным ударом погнал одну из них книзу и продолжал:

— На войне не бывает равенства сил. Вот мой комиссар, старший батальонный комиссар товарищ Бойко, часто говорит так: «Не тот силен, кто сильнее, а тот силен, кто умнее». И я с ним целиком согласен. Вот товарищ Зайцев вам может рассказать, как дрались мы под Орлом с Гудерианом. Был он сильнее нас в пять—шесть раз, а, между прочим, сражение выиграли мы, а не он. Конечно, трудно нам было. Но ведь тут решает крепкое сердце. Как ни трудно тебе, тянись из последнего, а виду не подавай, что тебе плохо. У тебя последний дух выходит, а ты показывай немцу, что тебе все нипочем, что ты дерешься играючи. Морда у тебя в крови, а ты атакуй. Атакуй, хитри, ловчись — пусть немец думает, что он имеет дело только с авангардами, тасими, а главные силы, мол, еще не тронуты!..

В соседнем отсеке стало немного тише, и оттуда подходили люди. Танкисты в кожаных шлемах, штабные работники, на минуту оторвавшиеся от карт, корреспонденты, заехавшие сюда, чтобы проследить за развертыванием интересной операции,— все внимательно слушали генерала.

Генерал рассказывал о незабываемых октябрьских днях, когда в Мценск, где стояли его эшелоны, пришла весть о прорыве Гудериана под Орлом, и когда он — тогда еще полковник, — оказавшись старшим начальником, принял на себя всю полноту ответственности и, разгрузившись, бросил свои 60 танков против 500 танков Гудериана.

— Это была самая страшная и самая ответственная из всех операций, какие я помню, — задумчиво сказал генерал. — Теперь об этом можно сказать открыто: вместе с одной пехотной частью мы тогда не небывало широком фронте решали задачу всесоюзного масштаба: надо было любой ценой заслонить дорогу на Москву до подхода подкреплений. Мы сделали это — и стали гвардейцами, — он помолчал и добавил: — Потом, конечно, тоже были серьезные бои. Были, есть и будут. У немцев танков больше. Отсюда и наша тактика: драться так, чтобы с наименьшими силами добиться наибольшего эффекта...

Прямоугольник в уголке «пещеры Лихтвейса», я мысленно перебирал свои летучие встречи военного корреспондента с этим интересным человеком и командиром. Было немного досадно, что ни обстановка, ни время не позволяют как-нибудь зацепиться за одну деталь, за одну операцию, раскрыть ее во всей полноте, так, чтобы показать генерала и его танкистов во весь их богатырский рост. Но в конце концов эта досада была слишком наивна, чтобы принимать ее всерьез: быть может, и наши беглые, фронтовые записки, фиксирующие жизнь, как фотопленка, сослужат в будущем свою службу историку...

* * *

Это было глубокой осенью 1941 года.

События развивались грозно и стремительно. Пятьдесят одна немецкая дивизия рвалась к Москве. Наши войска сопротивлялись с невиданным мужеством, но все же вынуждены были шаг за шагом отступать, теряя пространство и выигрывая время, необходимое для группировки новых ударных армий, призванных остановить и обратить вспять врага.

На время мы утратили связь с нашими друзьями, танкистами Катукова. Знали только из коротких штабных сводок, что бригада жива, что она продолжает драться, что она провела еще целый ряд рискованнейших и смелых операций.

Но в один из холодных ноябрьских дней мы снова встретились с танкистами. Танкисты были настроены оптимистично, хотя смертельная усталость читалась на их лицах: они не выходили из боя уже много дней. И что за бои это были!..

— Когда-нибудь про эту войну будут писать книги, — задумчиво сказал мне комиссар. — И какие книги! Вот тогда и напишут про то, как мы уходили из Чисмены.

Мне вспомнилась тихая деревушка, в которой нас принимали гостеприимные танкисты две недели тому назад, кудрявые дымки над трубами, ребятишки на салазках и тишина, странная, удивительная фронтовая тишина. Стало грустно и больно: на фронте мы ко многому приспособились и теперь отлично знали, во что превращаются такие деревушки после того, как через них перекатывает вал войны.

Мы прекрасно понимали, как дорога в эти напряженные дни каждая минута нашим друзьям, и потому старались задавать поменьше вопросов. Я лишь мельком увидел генерала; он еще больше похудел и осунулся: приступ застарелой болезни скрутил его, и только чудовищное напряжение воли давало ему возможность сохранять все тот же отлично усвоенный невозмутимый и немного иронический тон.

— Теперь мы с вами, москвичами, соседи,— сказал он,— но, честное слово, мы не будем слишком назойливы. Придет время, и вам опять придется гоститься за нами!

На память об этой встрече я сохранил измятый клочок бумаги, исписанный карандашом. Это был черновик какого-то донесения, который мне сунул начальник политотдела,— описание исхода танкистов из Чисмены. Теперь уже можно предать его гласности, как памятник времени:

«18 ноября 5, 6, 11 и 35-я немецкие дивизии перешли в решительное наступление по всему участку фронта. 1-й гвардейской танковой бригаде было поручено прикрыть узел Покровское — Язвище — Гряды — Чисмена, оказывая поддержку пехотной и кавалерийской частям. Наступление немцев было предпринято с четырех направлений — с юга, с юговостока, с запада и с севера. Многократное численное превосходство и географические выгоды обусловили успех немецких атак. Невзирая на героическое сопротивление наших частей, немцам удалось вклиниться в наше расположение. Гвардейцы тем себя достойно своего высокого звания: они умирали, но

Грозные машины идут в бой. Их ведут прославленные воины — гвардейцы Первой танковой бригады генерал-майора Катукова.

не отступали. Шесть гвардейских танковых экипажей погибли смертью храбрых, прикрывая перегруппировку пехоты. Гвардейский зенитный дивизион, отвечая на удары немцев с воздуха и с земли, прикрывал сплошной огневой завесой поселок Чисмену. Одновременно два средних и три малых танка смельми контратаками сдерживали натиск превосходящих сил противника. Все атаки с запада и с севера были отбиты. Но в это время немцам удалось выйти на южные подступы к Чисмене, ударив с тыла. Для отхода бригады оставался один путь — лесными тропами на северовосток и на восток...»

Я читал эти строки и вспоминал тихие октябрьские дни, когда неутомимые разведчики Катукова круглые сутки изучали окрестные леса, беря на учет каждый проселок и каждую тропинку. Да, предосторожность генерала оказалась далеко не лишней. Любая часть, оказавшаяся перед лицом четырех вражеских дивизий, отрезанная от дорог, была бы поставлена под смертельную угрозу, не изучи ее командование заранее во всех деталях все тропы и проселки!

Немцы сделали все для того, чтобы одним ударом покончить с гвардейской бригадой, причинившей им столько неприятностей. Им казалось, что пробил последний час Катукова. Непрерывные воздушные бомбардировки, комбинированные удары с различных направлений, баснословный численный перевес, — что еще требуется для разгрома одной единственной танковой бригады?!

И все-таки сломить волю танкистов врагу не удалось. Они цепко держались за каждый клочок земли, за каждую позицию, заранее подготовленную для круговой обороны. И только тогда, когда отходящие части закончили перегруппировку и танкистам было приказано организованно занять следующий рубеж, Катуков приказал отходить.

В донесении сказано коротко:

«Отход на Шебалково был совершен организованно, небольшими группами по лесным тропам...»

Совсем недавно батальонный комиссар Мельник подробно рассказал, что кроется за этой лаконичной фразой. Я живо представил себе знакомый мачтовый лес, рыжие тропы, занесенные сугробами, и упрямых людей в сших комбинезонах, идущих вслед за сердито рычащими машинами. Танки буксовали в рыхлом мокром снегу. Под снежной пеленой качались зыбкие топи, в ярой ярости — страшные вестники трясин — преграждали путь. Надо было искать обходы, надо было вытаскивать на буксире застревающие машины, надо было отстреливаться от вражеских автоматчиков, надо было идти, идти и идти, чтобы вовремя поспеть туда, где пехота уже ждала поддержки танков.

С одной из групп шел генерал Катуков. Он шел пешком, худой и бледный, но, как обычно, подтянутый и стройный. Он мог бы уехать вперед, мог бы сесть в такси, в автомобиль, но он предпочитал идти пешком, потому что знал: никакой приказ в трудную минуту не окажет такого сильного воздействия на бойца, как личный пример командира. Танкисты видели, что генерал идет с ними, и им сразу становилось легче и радостнее на душе.

Люди рубили вековые ели и клали их поперек незамерзших лесных болотцев, прокладывали дороги для автомобилей и помогали тягачам тащить пушки. Каждый шаг давался им с боем. Но к сборному пункту все подразделения вышли вовремя, и ни один снаряд, ни один ящик с продовольствием, ни одна повозка не были оставлены в пути.

Передышки не было. Танки генерала Катукова немедленно развернулись и заняли новый рубеж, готовые оборонять его любой ценой...

* * *

Москвичи хорошо запомнили тревоги первых декабрьских дней, когда пульс фронта бился особенно напряженно. Дальше отступать было некуда: синие и красные стрелы на штабных картах вонзались уже в ближние дачные поселки, так хорошо знакомые нам всем, в те самые поселки, где еще а мае гуляли по выходным дням москвичи. И чаще всего в штабах повторялось слово «Крюково».

Захватив ценой огромнейших потерь поселок Крюково, немцы готовились вонзить бронированный клин в самое сердце Москвы. Именно теперь немцы хвастались, что они видят в бинокли «самую середину» советской столицы.

Танкисты Катукова, как всегда, оказались на самом ответственном участке — под Крюковым. Генерал знал, что в самые ближайшие дни должно произойти нечто такое, что прогремит на весь мир: проявляя изумительную выдержку, советское командование в сложнейшей обстановке немецкого наступления скрытно и умело заканчивало сосредоточение новых мощных армий, которые должны были все перевернуть вверх дном и положить начало разгрому фашистских армий, истекающих кровью на подступах к Москве.

Может быть, именно поэтому генерал не взирая на смертельную усталость выглядел необыкновенно бодро в эти дни. Обстоятельства сложились так, что в эти критические дни нам не удалось побывать у наших друзей-танкистов. Но и того, что рассказывал некоторое время спустя генерал, достаточно, чтобы представить себе всю остроту момента:

— У нас было совсем немного сил. Две недели непрерывных боев сделали свое дело. Но я чувствовал, понимаете, как-то физически ощущал, что у немцев дела обстоят немногим лучше. Знаете, как говорят теперь наши бойцы: «Не тот немец пошел. Скучный немец, вялый». И хотя они все еще наступали, а мы отступали, чувствовалось, что назревают перемены. Надо вам сказать, что в нашем деле великую роль играет психология. Если хотите, у генералов и у писателей должно быть что-то общее: плюс тот подконоплей, который слабо разбирается в психологии. Ну вот мы с комиссаром и подметили кое-что любопытное. Было это, по-моему, у Надоважья...

И генерал начал подробно рассказывать об этой операции, одной из любимых его операций. Катукову важно было проверить правильность своих заключений о начале некоторого спада наступательного порыва немецкой армии. Для этого требовалось как следует тряхнуть немцев и посмотреть, что из этого выйдет.

Танкисты обороняли отдельными заседами огромный участок фронта, протяжением в восемнадцать километров, прикрывая фланг армии. Тем не менее Катуков, решив пойти на риск, снял с фронта восемь машин, свел их в один бронированный кулак и сосредоточил его для удара по немецкому тылу. Операция была поручена танкисту Самохину, лихому молодцу, который, кажется, рожден для таких затей.

Генерал тщательно подготовил операцию. Разведчики изучили тайные лесные пропы. Техники образцово подготовили материальную часть. Танкисты тщательно продумали маневр. И вот глухой ночью восемь танков Самохина углубились в лес и пошли к селу Надоважью, превращенному немцами в опорный пункт. В предрассветных сумерках они подкрались к околице деревни. Разведали путь. Оказалось, что как раз в этот час здесь остановилась большая немецкая колонна: танки, около 40 автомобилей, много пехоты, отряд мотоциклистов.

Дав полный газ, танки Самохина ворвались в Надоважье, стреляя из всех орудий и пулеметов. Что произошло дальше, описать трудно. «Пожар в кабаке с музыкой и танцами», — говорит по этому поводу Самохин. Его молодцы дважды промчались по улицам Надоважья, оставляя за собой какое-то месиво: достаточно одного легкого прикосновения гусениц тяжелого танка, чтобы любой автомобиль, не говоря уже о его содержимом, превратился в гладкий металлический блин.

Растоптав несколько танков, сорок автомобилей, пятьдесят мотоциклов и около роты пехоты, танкисты Самохина так же стремительно вылетели из деревни, как и влетели в нее. На этом можно было бы считать инцидент исчерпанным, если бы Самохин не заметил, что из лесу выходят две немецких танковых колонны, спешащие на выстрелы. Одна колонна подходила к селу с одного конца, вторая — с другого. Их водители смутно отдавали себе отчет в том, что произошло в селе.

— Вот тут-то мой Самохин и показал им, что такое военная хитрость, — говорит, мягко улыбаясь, генерал. — Артистический маневр!..

Об этом маневре он не устает рассказывать; ему доставляет удовольствие сознание, что его воспитанники овладевают не только боевой техникой, но и тактическим искус-

ством. А Самохин действительно сманеврировал артистически! Скрытно передвигаясь за деревьями, он обстреливал то одну, то другую немецкую колонну. Оскорбительно обив с толку фашистских водителей, он заставил их в конце концов сцепиться друг с другом: каждая из немецких колонн приняла своих соседей за красных.

— Они лупят друг друга, а он добавляет, а он добавляет — то одному, то другому!..

Все восемь танков Самохина вернулись обратно без единой царапины. Генерал был вполне удовлетворен результатами операции. Ему были важны не столько потери немцев, которые сами по себе были велики, сколько психологические результаты этого дня: теперь с бесспорной очевидностью было установлено, что в психике немецкого оккупанта произошел надлом: во-первых, немцы не смогли организовать оборону и действовать ловко; во-вторых, они растерялись, чего с ними раньше никогда не было; в-третьих, они не смогли даже разобраться в создавшейся оперативной обстановке, — значит, смертельно измотались. Длительные, кровопролитные бои, изматывающие душу и тело, дали свой результат. Теперь надо было смело брать инициативу наступления в свои руки, громить, громить, громить врага, не давая ему ни минуты передышки.

Как всегда, Катуков действовал хитро, решительно и стремительно. Он имел перед собой прекрасно укрепленную, танко-недоступную позицию немцев, окруженную с северо-запада и с юга глубокими оврагами и долинами речек и прикрытую прекрасно организованной системой огня. Против Крюкова гвардейцы могли выдвинуть всего 17 танков, в то время как немцы имели около 50 машин. Надо было еще и еще раз доказать, что в бою силен не тот, кто сильнее, а тот, кто умнее и хитрее. И Катуков сделал то, что некоторым казалось неосуществимым: он обеспечил мощную и тонную артиллерийскую подготовку, свел танки в две слитных и сильных группировки и под прикрытием ночи на предельной скорости ворвался в поселок с той стороны, откуда немцы меньше всего ждали атаки.

Танки мчались молча, грозные и стремительные. Немцы, не разобравшись, приняли их за свои машины. Только подойдя вплотную, гвардейцы открыли ураганный огонь из всех орудий и пулеметов — по штабу, по автобусам, по автоколоннам фашистов. Немцы сопротивлялись с отчаянием обреченных. Неимоверный грохот стали, стоны раненых, рев моторов смешивались в один свирепый гул.

За танками в поселок хлынула пехота. После жестоких рукопашных схваток немцы, обезумевшие от нервного напряжения, начали откатываться. Но здесь им пришлось испытать на себе действие еще одного хитрого сюрприза, заботливо подготовленного предусмотрительным генералом: его мотопехота, установив на флангах станковые пулеметы, ланинной кинжального огня отрезала путь отступления врагу.

Это был удар, от которого немцам было трудно, почти невозможно оправиться. И они побежали. Побежали так, как до этого никогда и нигде не бегали. Тогда-то и образовались вдоль дорог великие кладбища немецкой техники, которые теперь отлично знакомы каждому по газетным фотографиям и по киножурналам.

Танкисты Катукова, выполнивши свою задачу в общем плане действий Западного фронта, преследовали немцев, не давая им опомниться...

* * *

Мигает закоптелая керосиновая лампа, колеблются тени на стенах. Генерал заканчивает затянувшуюся беседу с пополнением:

— Остается сказать о себе... Должны же вы знать, кто вами будет командовать. Сам я из крестьян Московской области, Коломенского уезда, — это километров сто от Москвы. В детстве батрачил. Потом — революция, гражданская война. С 1919 года в Красной Армии. Начинал бойцом. Был под Царицыном, под Воронежем, под Варшавой. Дрался с бандитами на Гомельщине. Потом учился на курсах комсостава. Был помкомроты, комроты, комбатом, ну и так далее — до командира дивизии. Кончил школу «Выстрел». Учился в Академии механизации и моторизации. С 1932 года — в партии. Воюю с 22 июня. Всякое приходилось, бывало и трудновато. Но ведь война — вообще специальность нелегкая. Думаю, что привыкаете и вы.

Откинув плащ-палатку, заменяющую дверь, в отсек подвала вошел человек в полушубке:

— Разрешите обратиться, товарищ генерал. По срочному делу — от командарма...

Катуков кивнул офицеру связи, поднялся и сказал:

— Закончим на этом. Начальник штаба вручил каждому из вас назначение — и в полк, в полк! Вас ждут там. Всего наилучшего, товарищи командиры...

Распечатав пакет, генерал углубился в чтение полученного приказа. Мы вышли вместе с командирами. Миновав очаг, в котором тлели угли, я поднялся по обледенелым ступеням и вышел во двор. Грохот канонады стал явственнее. В небе полыхали багровые зарницы. Высоко взлетали голубоватые осветительные ракеты. Трассирующие пули, как мотыльки, трепеща, уносились куда-то вдаль.

У церкви дымились походные горны — там вот уже третьи сутки бесперерывно работала походная мастерская, возвращавшая жизнь танкам, изувеченным в боях. По шоссе грохотали тягачи, тащившие грандиозные, сверхмощные орудия. Проходили новые и новые полки пехоты, в теплых шапках, в ладных валяных сапогах. Пробежали лыжники в белых халатах.

Война жила своей суровой походной жизнью. И одним из центров жизни был тесный подвал под развалинами техникума, в котором работал генерал Катуков.

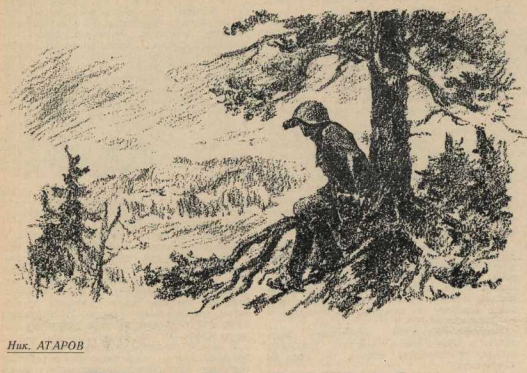
Борис ЛЕБЕДЕВ

БАЛЛАДА О ЦВЕТАХ

Был офицер высок, плечист и рыж,
Он жег Варшаву и громил Париж,
Расстреливал, глумясь, евреев в Минске,
Красноармейцев пленных истязал —
Его прикончил пулей партизан
На улице в селеньe украинском...
Осатанев от злобы и вина,
Захватчики согнали населенье
На площадь перед клубом... «Чья вина,
Сознайтесь, чья?» — ревели в исступленье.
Угрозы их, спокойна и горда,
Толпа в молчаньe слушала... Тогда
Ударил залп, потом второй и третий...
Упало девяносто человек,
Меж них — друзья, запомните навек —
Беременные женщины и дети...
Горячей кровью смочена обильно,
В вечернем воздухе земли курилась гладь...
Живым велели мертвых закопать
И разойтись...
Так вырос холм могильный...
Перед восходом солнца патрули,
Чей грузный шаг всю ночь звучал в селеньe,
На площади сошлись и в изумленьe
Свести с могилы взглядов не могли...
«Чорт побери, я вижу, иней выпал...» —
Сказал один... «Молчи!» — сказал другой...
Как первым снегом, был весь холм усыпан
Цветами белой кашки полевой.
Чтоб в разгильдяйстве их не обвинили
(Солдат немецкий на посту не спит!),
Они поспешно придали могилe
Ее первоначальный, мрачный вид...
Пустынны были улицы весь день...
Ночная вновь легла на землю тень,
И звезды засверкали перламутром,
И зашагали патрули... А утром,
Бранясь между собой до хрипоты,
Топтали разъяренные солдаты
С могилы дрока желтые цветы...
Молчали, словно вымершие, хаты...
Когда под вечер схлынул жар дневной,
К могилe были приставлен часовой...
И снова ночь в безмолвии суровом
Спустилась и прошла, и утро снова
Настало, страх в сердца убийц вселя...
Мог издали увидеть каждый ясно:
Могилы братской черная земля
За эту ночь вдруг стала яркокрасной,
Как будто кровь расстреляннных людей,
Сквозь землю просочившись, пламенела,
Неукротима в правоте своей...
К могилe немцы двинулись несмело...
Штурмовика безжизненное тело
Лежало распростертым перед ней
С раскинутыми в стороны руками...
Цветами мака холм усеян был,
И, разбросанный слегка их шевелил,
Багровыми алыми лепестками.

БИБЛИОТЕКА ИМЕНИ В. И. Ленина

Рисунки Л. Голованова.



Ник. АГАРОВ

ДВА РАССКАЗА

1. ВОЙНА РОЖДАЕТ ГЕРОЯ

Бойцы и командиры, однополчане младшего лейтенанта Комарова, поручили мне рассказать о последних днях своего товарища. Когда-нибудь, после войны, после победы, когда мы оглянемся назад и вспомним эти великие дни, нам станет ясно, что месть, уничтожившая фашистов, была сродни той ярости, которая охватила нас, видевших, как погиб Комаров.

Представьте себе сельского избача. Он был скромный с виду, небольшого роста, коренастый, не вызывающий всем своим видом мыслей о подвиге и доблестной смерти.

Но война рождает героев.

Комаров стал командиром взвода управления батареи. Свой наблюдательный пункт он основал не на передаем крае нашей обороны и даже не в блиндажах боевого охранения, а прямо посреди финских позиций. Так ему было удобнее. Лес, занятый врагами, лежал перед ним, как раскрытая карта.

На гранитном холме, среди расщепленных огнем сосен, Комаров сидел с телефонистом и пятью бойцами две недели. Не было минуты, когда бы не рвались снаряды вокруг, но в высоту было трудно бить прямой наводкой, — и Комаров уцелел. Он только оглох и почти не слышал, когда ему кричали с батареи по телефону. Сруб был разбит прямым попаданием. Люди закоптились от дыма и привыкли ходить, не поднимая головы.

Но Комаров не уходил. Он направлял огонь орудий по целям. Ему были хорошо видны финские минометы, грузовики, двуколки, прислоненные к деревьям велосипеды. По полевому телефону он называл координаты цели и наблюдал в бинокль, как метко бьют его товарищи. Он так избаловался на своем наблюдательном пункте, что бывал недоволен, если артиллеристы не с первого залпа покрывали цель.

Видеть и направлять огонь батареи стало привычкой, бытом, самой жизнью вчерашнего сельского избача.

Иногда он слезал с сосны, но его бинокль оставался там, в гнезде, покачивался, подвешенный на ветке. Это было хорошо насиженное место, с котелками и флягами на ветку, с гранатой в кармане шинели, свернутой в изголовье. Здесь можно было долго жить, и каменистая тропа редко пропускала бойцов на батарею — только за хлебом и патронами.

В последний раз Комаров ходил с наблюдательного пункта на партийное собрание. В тот вечер его приняли в партию. Он поднялся с травы, растерянный от счастья. Он стоял, маленький, широко и прочно расставив ноги.

— Меня враги не возьмут никогда, — сказал коммунист Комаров и показал рукой на грудь: — Здесь, в кармане гимнастерки, у меня ручная граната. Станет туго — дерну за кольцо и лягу на грудь.

В этот вечер он возвращался на наблюдательный пункт с тремя бойцами. Крались по тропке. Лес был странно недвижен и тих — верный признак предстоящего наступления.

* * *

Утром финны вышли на тропу. День прошел, как один час, в огне и грохоте боя. Ночью Комаров слышал уж позади себя стук топоров: это финские минометчики готовили новую позицию, рубили деревья, расчищая лес в секторах обстрела. Тогда Комаров отправил на батарею трех бойцов.

— Скажите командиру, что я не уйду, — сказал Комаров.

Бойцы разминировали проход в скале и через трое суток ползком выбрались к своим. А Комаров снова корректировал огонь. Лес вокруг был сбит и выбрит, торчали обломанные стволы. Финны ползли отовсюду, и одна их батарея работала уже позади Комарова.

Он был ранен в этот день. Сам себя перевязав, он мог бы еще уйти. Но в следующую ночь он отправил от себя еще троих бойцов.

В эту ночь Комаров уничтожил документы.

* * *

Страх наполовину состоит из подлого ожидания. Ты ждешь боли и смерти, и мелкое, дрянное чувство начинает копошиться в твоей груди. Дави его, друг!

У Комарова была ясная душа советского воина. И он не ждал ни боли, ни смерти, любил родину больше жизни, потому не испытывал страха, не боялся. Он только тогда был нетерпелив в ожидании, когда, передав координаты по телефону, прислушивался: вот-вот ухнут вдали орудия и треск разрывов ответит из близкого леса. Он точно знал, где ждать разрыва. Иногда казалось ему, оглушенному канонадой, что это сам он сеет, разбрасывает руками по лесу пригоршни дыма и огня...

Он видел рыжего финского снайпера, расхаживающего по доске, положенной на ветвях рябины, и тотчас по вызову Комарова облако шрапнели рвалось над этой рябиной, и финн летел с дерева вниз, точно в воду с мостков.

* * *

На четвертый день боя начальник штаба, войдя к командиру, глухо сказал:

— Комаров корректирует огонь позади себя.

У телефона в штабной землянке теснились боевые друзья Комарова.

Да, наблюдательный пункт отсекал себя огнем.

— Прицел меньше восьми!.. Четыре снаряда!.. Беглый огонь! — кричал Комаров там, на наблюдательном пункте.

И в трубку был слышен треск и грохот огня — ад, в котором жил — еще жил — на своей скале герой.

Враг обошел скалу, замкнул в кольцо, и Комаров отсекал себя огнем своих батарей.

К вечеру прервалась связь: финны нашли и оборвали провод, тянувшийся в капоротнике. Теперь на скале уже не было наблюдательного пункта — просто советская земля.

И на советской земле стоял в кровавых бинтах, бледный, заросший, маленький с виду — но какой огромный в своей доблести! —

человек. Он стоял, и непонятно было, что ему давало силы стоять. Только руку в последнюю эту минуту он держал у кармана гимнастерки, как обещал тогда на партсобрании...

2. ЧЕЛОВЕК НЕ МОЖЕТ СПАТЬ

Весь день старшая сестра военно-полевого госпиталя Таня Шевченко бегает по палатам, просматривает градусники, поправляет подушки, готовит шприцы, составляет какие-то графики и расписания. Раненые зовут ее «старшая»,— может быть, потому, что ей всего восемнадцать лет... Слушаются ее, отходят от открытых окон, когда она сердито уверяет их, что фашистские самолеты фотографируют окна с белыми пятнами забинтованных рук и голов и потом находят госпиталь по этому признаку. У нее много работы, и она не замечает, как проходит тяжелый день госпитальной сестры.

Наступает вечер, задумчивый, тревожный, когда особенно чувствуется близость фронта. Белеет палатка в желтом саду за окном. С близкой сосны срывается и улетает ворон, синий, как наган. Таня сидит в дежурке, в кресле главного врача. Она не дежурит, просто так сидит. Она одна. Задумалась. О чем?

Двадцать дней, как в ее родном городе, на Украине, фашисты. Она прочитала в газетах. И теперь не может представить гибель близких. Или у нее, притупилось чувство? Она честно себе признается в этом. Она одна. У нее такое настроение, будто она письма пишет матери, подругам, всем, всем. Она столько видела кусков обожженного мяса, вывороченных костей, живого пульса, мозга. Ей не это страшно.

Ей думать хочется. Неустанно думать о том, что происходит там, в родном городе. Вот утро — люди просыпаются. Ведь все-таки встают же они по утрам? Вот день, вечер. Мысли идут пуськом. Она видит город, точно такой, каким она его покинула двадцать четвертого июня, когда ее провожали подруги, и Сережа, и мама. Но что-то отсутствует в городе. Что же?

Она ясно видит, что с книжных полок в ее комнате мать убрала Горького, Маяковского и Шолохова. Спрятан пионерский галстук Сеньки. Ребята собрались, но им нельзя петь «Каховку». Да, со стен снята и спрятана открытка, на которой мавзолей Ленина.

Таня играет стетоскопом, качается на стуле, ей очень страшно в эту минуту.

Вот кинотеатр. Там больше не покажут «Юности Максима»... «Крутятся, вертится шар голубой...» Этого нельзя. Неужели надо спрятать школьные тетрадки с силуэтом Ильича, мамины любимые чашки с серпами и колосьями, полотенце на горке, расшитое пятиконечными звездами?

Ты захочешь написать подруге в Днепропетровск или Первомайск? Но это будет Екатеринослав, Елисаветград. Рабство будет оскорблять тебя на каждом шагу: ведь они отменят все, что дорого, с чем ты сжилась, как с родным. Вся гордость нашей юности: Днепрострой, Всесоюзная сельскохозяйственная выставка, папанинская льдина, челюскинцы, полеты Чкалова. День авиации. Футбольные матчи городов. День открытых дверей, когда школьники-выпускники шли в вузы выбирать профессию. И карнавалы в парках культуры. Почтовые марки с изображением красноармейца. Дети в яслях. «Честное пионерское»...

«...Честное пионерское»,— вслух шепчет Таня.

А мысли идут пуськом...

То, что казалось тебе правдой навсегда, твоей правдой, отменяется. Что человек не может быть угнетен, — это, оказывается, неправда. Может... У тебя были подруги—лифтерши, парикмахерши. Теперь для них возникает страшное слово — «холуй». Будет барыня, и будут холуи. Это из 6-го класса средней школы, когда проходили комедии Островского. Неужели это будет в самом деле? Русский, украинец, армянин были равны, дружили как равные. Неужели будут снова клички «канал», «хохол», «сарт», «армяшка»? Неужели они нас заставят презирать друг друга?..

Это страшнее виселиц.

— Товарищи,— шепчет старшая сестра Таня. Ей просто не верится, что милое это слово, которое она сейчас произносит, уже исчезло в ее родном городе. Так безрассветны, мутны эти мысли, что даже ночное окно как будто светлеет. Там к тому же далекое зарево. Жгут.

А памятник Щорсу на вокзальной площади, под тополями? Неужели он разрушен? Тогда почему же не вырвать с корнем тополи, не распахать вокзальную площадь, не залить газоны серной кислотой?

Таня росла — и вся страна росла с нею. Возникла плотина на реке. Вырос молодой парк. Она начинала учиться в бараке, а кончила в новом, каменном здании. Росли заводы, дома, бульвары, парашютные вышки. Отец ходил бриться еще на базар, а когда подрос братишка, в их доме открылась хорошая парикмахерская. Отец смеялся, придя с работы:

— Дело ясное. Потому и открыли голярню, что у Сеньки Шевченко усы выросли...

— Товарищи! Товарищи! — громко, тревожно говорит в темноте Таня.

Нет, больше не надо, нельзя. Она бежит в палату. Там спят. Спит моряк береговой службы, с ногами в гипсе. Спит разведчик Грунин. Тяжело дышит Головня. Хаджибаев приподнялся на локте, смотрит.

Но Таня бежит — она знает, к кому. К Батанину. Он больше видел. Старый, то есть тридцать шесть лет... Раздроблена ключица. Добрый, знающий, что сказать... Она к нему. Она его разбудит:

— Батя, батя...

— Что? Градусник? — шепчет он со сна.

— Нет, нет, товарищ Батанин! Расскажите, вы обещали, вот времени у меня не было вас послушать. Как вы их бьете? Как вы их били? Ну...

И Батанин, не поднимая головы, шепчет в темной палате, а Таня слушает, как беспощадно громили они травленых волков:

— Страна наша, Таня,— это океан. Океан целый. И рыщут по нему сейчас разбойничьи корабли. Но буря поднялась. От самого дна идет, раскатами... Погубит их народный шторм. Это будет! На дно ляпут — раскушками обрастут и будут прокляты. Раками зажмут вторично...

— Волки травленые, — выдавливает сквозь стиснутые зубы Таня, и в голосе ее скорбь и гнев... — Волки,— шепчет она и уже доверчиво, не как строгая старшая сестра, а как слабенькая сестренка, падает на грудь Батанина и рыдает, чтобы отлегло.

Хорошие это слезы! Выше волна народного шторма! Качай, океан народный!

...И Батанин, не поднимая головы, шепчет в темноте, а Таня слушает, как беспощадно громили они травленых волков.

ВОЙНА НА ТИХОМ ОКЕАНЕ

На огромных просторах Тихого океана идут упорные бои на суше, на море и в воздухе. 7 декабря ареной японской агрессии стали прекраснейшие места земного шара — тропические и экваториальные районы Дальнего Востока, Малайя, Голландская Индия, Филиппины, Гавайские острова.

Уже давно к этим благодатным землям прикованы взоры империалистов, зарившихся на крупнейшие в мире каучуковые и сахарные плантации, оловянные рудники.

После многих войн и конфликтов острова и страны Азии были поделены и переделены. К двадцатому веку Аннам, Тонкин, Камбоджа и другие государства, известные теперь под общим названием Французского Индо-Китая, оказались в руках французов. Маленькая Голландия завладела 5 тысячами с лишним островов, в число которых входит Ява, Суматра, большая часть Борнео, Целебеса. Голландия, насчитывающая менее 9 миллионов жителей, подчинила себе земли с населением в 67 миллионов человек. Владения Англии расширились за счет Бирмы, Малайи, Сингапура, части островов Целебес и Борнео, Соломоновых островов, архипелага Бисмарка. После первой мировой войны, 1914—1918 годов, одна только Япония получила несколько тысяч мелких островов, преимущественно коралового происхождения. Никакой экономической ценности они не представляют, но стратегическое их значение, например Каролинских, Маршальских, Марианских островов, весьма велико.

Являются исключительно на карту Тихого океана. Океанские волны омывают тысячи больших и малых земель. К восточному побережью Азии на севере прижались Японские острова, южнее — Формоза, Хайнань, Филиппины. Далее тесно расположились страны Южных морей: многочленные острова Голландской Индии, Новая Гвинея, Австралийский материк, Новая Зеландия, сотни мелких островов.

Острым клином вырвался в море Малаккский полуостров, где находится колония англичан — Британская Малайя. Столица и главный порт Малайи — Сингапур, в прошлом монопольный центр по торговле каучуком, оловом, специями и пряностями Востока. За последние годы Сингапур был сильно укреплен и превращен в крупнейшую морскую базу Англии на Дальнем Востоке. Сингапур — это «замок», запирающий выход из Тихого в Индийский океан через Малаккский пролив.

С моря острова Сингапур защищен очень сильно, поэтому японское командование решило атаковать его с суши, со стороны Малаккского полуострова (Малайи). Захватом Малаккского полуострова «покушала» досыта, и кругая, не менее важная, чем овладение Сингапуром, задача — обеспечение Японии каучуком и оловом. На долю Малайи приходится 40 процентов мировой добычи каучука и 30 процентов мировой добычи олова.

Для наступления на Малайю японцы использовали территорию оккупированной ими Таи[1]. Японская военщина заблаговременно сговорилась с правителями Таи. Страна стала плацдармом для наступления японских войск против британских владений — Малайи на юге и Бирмы[2] на западе.

Стратегическое значение Бирмы состоит в том, что она прикрывает подступы к Индии. Кроме того из Бирмы через порт Рангун идет поставка оружия и товаров для Китая. Из Бирмы товары направляются в Китай сначала по железной дороге до китайской границы, а затем от города Лашио по удлиненной шоссейной дороге Лашио — Куньмин и дальше до столицы Китая — города Чунцин. Эта дорога обычно именуется Бирманской дорогой.

Театр войны, однако, не ограничился побережьем Индокитайской Азии. Военные операции на океане охватили обширный район от Филиппин на севере до Австралийского материка на юге и района Гавайских островов на востоке. Филиппины[3] принадлежат Соединенным Штатам Америки. Главное значение Филиппин в их географическом положении. Острова лежат на пути из Японии во Французский Индо-Китай, Таи, Малайю, острова Голландской Индии, Австралию. Тот, кто владеет Филиппинами, может грозить коммуникациям Японии, по которым идет снабжение армий, действующих на юге.

На южном участке тихоокеанского фронта расположены многочисленные острова Голландской Индии: Ява, Суматра, Целебес, Борнео, Бали и др. Богатства Голландской Индии в ее недрах и полях. На весь мир поставляет она каучук, олово, хинин (первое место в мире), чай, сахар (второе место в мире), кофе, табаки, копру, корицу и другие специи. Наконец, здесь есть нефть, и притом немало.

Даже краткое описание стран, охваченных пламенем войны, показывает, что привлекает сюда Японию. Вопрос идет не только о вытеснении Англии и США из Тихого океана: японцы хотят завладеть важнейшими источниками стратегического сырья, лишить этого сырья своих противников (США вывозят из Голландской Индии 75 процентов каучука) и, наконец, захватить обширные рынки для сбыта изделий японской промышленности.

Японская военщина давно уже составила план захвата всей Восточной Азии. Завладев в ходе войны с Китаем его восточным побережьем, Япония подготовила путь на юг. Воспользовавшись поражением Франции, Япония в 1940 году ввела войска во Французский Индо-Китай, оказавшись, таким образом, на подступах к Бирме, Малайе, Филиппинам и Голландской Индии. Здесь, на Хайнани и в своих владениях на Формозе и мандатных островах, Япония накопила нужное количество войск, морских судов, вооружения и отсюда развернула наступление дальше на юг.

* * *

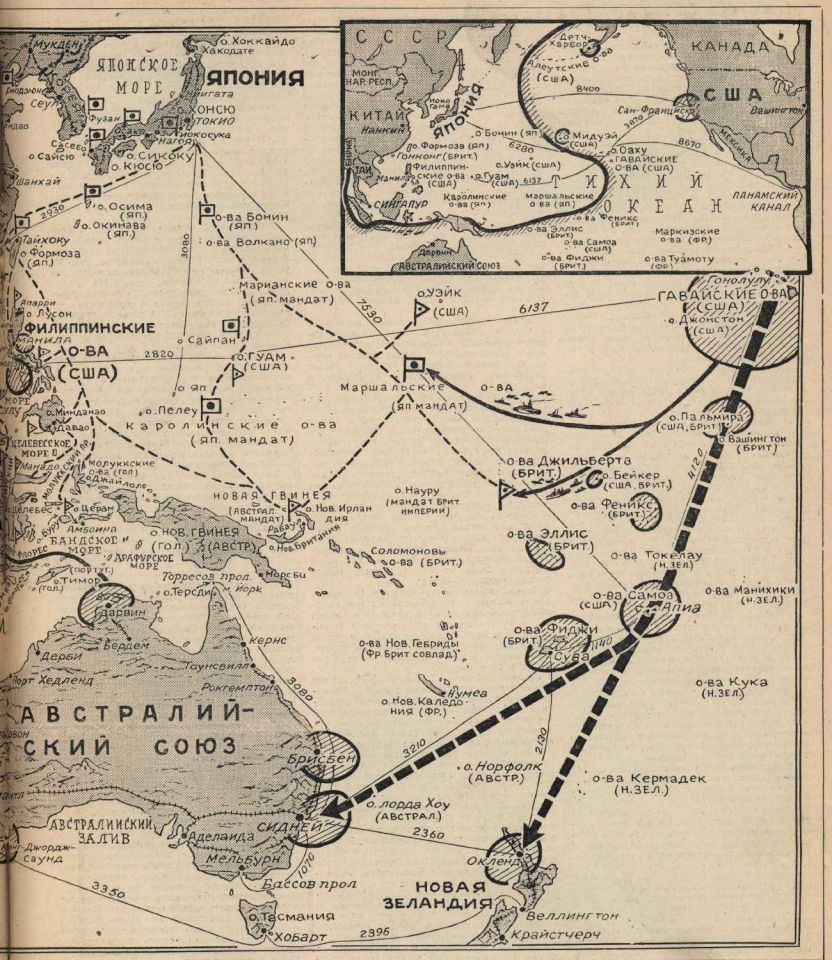
Ранним утром 7 декабря, когда на Тихом океане, казалось, все еще царит мир и спокойствие, и японских авианосцев и баз поднялись в воздух стаи самолетов и начали бомбить владения Англии и США. Важнейшая американская военно-морская база Пирл-Харбор на Гавайских островах, спокойным сном, когда на рассвете воздух потрясли взрывы грязных бомб. С высоты 200—300 метров японские бомбардировщики обрушились на базу. В это памятное утро бомбардировка возобновлялась несколько раз. Одновременно корабли американского Тихоокеанского флота, стоявшие в гавани Пирл-Харбора, были атакованы японскими подводными лодками. Так началась война

[1] Таи (ранее назывался «Сиам») — небольшое государство, расположенное на Индо-Китайском и частично на Малайском полуострове. Столица — Бангкок. Население Таи — 15 миллионов человек. Граничит с Бирмой, Французским Индо-Китаем и Британской Малайей.

[2] Бирма—британская колония. С запада примыкает к Индии, с севера — к Китаю, с востока — к Таи и Французскому Индо-Китаю. Главный город — Рангун. Население — около 15 миллионов человек. Страна богата лесами и горными ископаемыми, в особенности нефтью. В сельском хозяйстве главная культура — рис.

[3] Группа островов (7083 острова). Наиболее крупные — Лусон, Минданао, Панай, Самар, Негрос. Столица Филиппин — город Манила, на острове Лусон. Население — 16 миллионов человек. Главные культуры — рис, кукуруза, сахарный тростник, пенька, фрукты. Промышленность развита слабо. Добывается медная руда, марганец, хром, золото и в небольших количествах различные цветные металлы.

[4] Принадлежащая США группа островов, известных под именем Гавайских, расположена между западным и восточным побережьями Тихого океана. От Сан-Франциско Гавайские острова отстоят на 2100 морских миль, от ближайшего порта на Японских островах, города Иокоэма, — на 3400 морских миль.


СССР
КАНАДА
Детч харбор
Алеутские (США)
8400
США
Сан-Франциско
Вашингтон
Мексика
8670
Гавайские о-ва (США)
Оаху
Мидуэй (США)
Бонин (яп)
Формоза (яп)
Гонконг (брит)
Филиппинские о-ва (США)
Уэйк (США)
Гуам (США)
6137
Каролинские о-ва (яп)
Маршальские о-ва (яп)
Фиджи (брит)
Самоа (США)
Фениикс (брит)
Эллис (брит)
Маркизские о-ва (фр)
Туамоту (фр)
Панамский канал
Сингапур
Манила
Гонконг
Нанкин
Китай
Монг. нар. респ.
Корея
Япония
Тайвань
Австралийский союз
Дарвин
Тихий океан
Мукден
Хоккайдо
Хакодате
Японское море
Япония
Сеул
Фузан
Хонсю
Токио
Нигата
Сендай
Сасебо
Саппоро
Нагоя
Киусю
Шанхай
Тайхоку
Формоза (яп)
Осима (яп)
Окинава (яп)
Бонин (яп)
Волкано (яп)
Марианские о-ва (яп. мандат)
Уэйк (США)
Гонолулу
Гавайские о-ва (США)
Джонстон (США)
Филиппинские о-ва (США)
Манила
Лусон
Давао
Минданао
Сайпан
Гуам (США)
Яп
Пелеу
Каролинские о-ва (яп. мандат)
Маршальские о-ва (яп. мандат)
Пальмира (США, брит)
Вашингтон (брит)
Целебесское море
Молуккские о-ва (гол)
Целебес
Амбоина
Бандское море
Нов. Гвинея (австрал. мандат)
Нов. Гвинея (австр)
Нов. Ирландия
Нов. Британия
Соломоновы о-ва (брит)
Науру (мандат брит. империи)
Новая Гвинея
Арафурское море
Тимор (порт. гол)
Торресов прол.
Морсби
Терсдей
Дарвин
Вердем
Кернс
Таунсвилл
Рокгемптон
Порт Хедланд
Австралийский союз
Брисбен
Сидней
Аделаида
Мельбурн
Австралийский залив
Джорджсаунд
Бассов прол.
Тасмания
Хобарт
Новая Зеландия
Оклендт
Веллингтон
Крайстчерч
Нов. Каледония (фр.)
Нумеа
Нов. Гебриды (фр. брит. совлад.)
Фиджи (брит)
Самоа (США)
Эллис
Токелау (н. зел)
Маниики (н. зел)
Кука (н. зел)
Кермадек (н. зел)
Норфолк (австр)
Лорда Хоу (австрал)
Джиллберта (брит)
Бейкер (США, брит)
Феникс (брит)
Уэйк (США)
Гуам (США)
Каролинские о-ва (яп)
Маршальские о-ва (яп)
Фиджи (брит)
Самоа (США)
Фениикс (брит)
Эллис (брит)
Маркизские о-ва (фр)
Туамоту (фр)
Гонолулу
Гавайские о-ва (США)
Джонстон (США)
Пальмира (США, брит)
Вашингтон (брит)
Джильберта (брит)
Бейкер (США, брит)
Феникс (брит)
Эллис (брит)
Токелау (н. зел)
Самоа (США)
Фиджи (брит)
Маниики (н. зел)
Кука (н. зел)
Кермадек (н. зел)
Норфолк (австр)
Лорда Хоу (австрал)
Оклендт
Веллингтон
Крайстчерч
Тасмания
Хобарт
Сидней
Мельбурн
Аделаида
Брисбен
Кернс
Дарвин
Порт Хедланд
Таунсвилл
Рокгемптон
Вердем
Дерби
Тимор
Нумеа
Нов. Гебриды
Соломоновы о-ва
Науру
Нов. Ирландия
Нов. Британия
Нов. Каледония
Фиджи
Самоа
Маниики
Кермадек
Кука
Токелау
Джильберта
Бейкер
Феникс
Эллис
Пальмира
Гонолулу
Гавайские о-ва
Джонстон
Вашингтон
Сан-Франциско
Мексика
Панамский канал
Сингапур
Манила
Гонконг
Нанкин
Шанхай
Сеул
Мукден
Хакодате
Токио
Осака
Нагоя
Сасебо
Киусю
Сикоку
Осима
Окинава
Формоза
Тайхоку
Бонин
Волкано
Марианские о-ва
Уэйк
Гуам
Сайпан
Яп
Пелеу
Каролинские о-ва
Маршальские о-ва
Филиппинские о-ва
Лусон
Давао
Минданао
Целебес
Молуккские о-ва
Амбоина
Нов. Гвинея
Нов. Ирландия
Нов. Британия
Соломоновы о-ва
Науру
Нов. Каледония
Нумеа
Нов. Гебриды

на Тихом океане — война, которую ждали, но считали все еще далекой.

Наряду с Пирл-Харбором внезапное нападение было совершено на Манилу (Филиппины), Гонконг, Малайю и Сингапур. Военные действия начались одновременно в воздухе, на море и на суше. Японские самолеты бомбардировали английские и американские морские и авиационные базы, завязались ожесточенные воздушные бои, сухопутные войска начали штурм укреплений. Война на Тихом океане стала реальным фактом, хотя была объявлена лишь через несколько часов после того, как в воздухе зловеще прозвенели фугасные бомбы. Народы прилегающих к Тихому океану стран против своей воли оказались втянутыми в ожесточенную схватку. Все рычаги огромной военной машины Японии были приведены в действие. Главный удар японцы направили на Филиппины, Малайю и Голландскую Индию.

На Филиппинах японские морские десанты высадились сперва в северной части острова Лусон, где оборона была наиболее слабой, затем — в южной части этого острова. 20 декабря десанты появились уже на острове Минданао и заняли район города Давао, где создали лишь много японских эмигрантов, выполнявших задания японской военщины. 2 января японские войска овладели городом Манилой (столица Филиппин) и военно-морской базой Кавите. Американские и филиппинские войска отошли на новую линию обороны, северо-западнее Манилы, на Батаанском полуострове, опираясь в своих операциях на сильно укрепленный небольшой остров Коррегидор, у входа в Манильский залив.

Получив морем небольшое подкрепление, войска храброго и опытного генерала Макартура вот уже два месяца выдерживают осаду на полуострове Батаан, оттягивая на себя значительные силы японцев.[1]

В операциях против Гонконга японцы в первые же дни захватили Коулунский полуостров, расположенный вблизи Гонконга, и начали обстреливать Гонконг из орудий через узкий пролив, отделяющий остров от материка. Одновременно были высажены десанты с моря на северном и восточном побережьях острова. После недолгой, но упорной борьбы незначительный гарнизон Гонконга, не получая помощи извне, капитулировал.

Занятие Гонконга и Манилы позволило японцам более широко развернуть военные действия в Южно-Китайском море и на архипелаге Голландской Индии и обеспечило коммуникации с Японией, которые до этого были под угрозой английских и американских морских и воздушных сил, базировавшихся на Гонконге и Манилу.

В Малайе японские войска в первый же день войны пробили брешь в английской обороне, высадившись под прикрытием артиллерийского огня с военных кораблей в Кота-Бару, на границе с Таи. Японцы применили в этих операциях свой испытанный метод сочетания действий сухопутных войск с действиями флота и десантных частей. Они постоянно забрасывали свои десанты в тыл обороняющихся английских войск. Английские части не смогли удержаться даже на выгодных естественных рубежах. Слишком уже велико было количественное превосходство японцев как на суше, так и в воздухе.

Однако решающие операции развивались не на восточном, а на западном побережье Малайи, вдоль главной железнодорожной магистрали, идущей на юг.

Захват острова Пенанга, у северо-западного побережья Малайи, в находившихся там мелких судах дал японцам возможность применить эту же тактику и на западном побережье Малайи. К концу декабря японские войска захватили город Ипох, являющийся крупнейшим центром добычи олова (англичане при отступлении разрушили оловянные рудники). Еще через месяц японцы достигли южной оконечности Малаккского полуострова.

К 1 февраля японские войска заняли Джохор-Бару, против которого расположилась могучая английская база на острове Сингапур. Японцев от острова отделял узкий пролив, чуть больше километра шириной.

Английские войска были эвакуированы на остров Сингапур.

Начав подготовку к штурму крепости с суши, с той стороны, которая была слабее укреплена, японцы установили на побережье батареи и систематически подвергали Сингапур массированному артиллерийскому обстрелу. Английская артиллерия отвечала, и дуэль продолжалась несколько дней. Англичане взорвали плотину, соединяющую полуостров с Сингапуром, и уничтожили главную морскую базу, расположенную на северном конце острова. С момента вступления японских войск на южную оконечность Малаккского полуострова морская база Сингапура фактически уже перестала существовать, так как ни одна крупная часть не могла больше базироваться там под огнем неприятельской артиллерии. Тяжелые орудия базы, направленные стволами на море, не могли помочь защитникам Сингапура в борьбе с японскими десантами, высаживавшимися с севера.

12 февраля английское командование согласилось на переговоры с японцами, и 14 февраля Сингапур капитулировал.

Падением Сингапура закончилась одна из важе ных операций на Тихом океане. Теперь еще шире развернулось японское наступление дальше, на юг, на Голландскую Индию. В зоне операций оказался целый материк — Австралия.

Японии удалось разбить «замок» на воротах из Тихого в Индийский океан. Японские корабли появились в Бенгальском заливе, усилился нажим японцев в Бирме, нависла угроза над Индией. Серьезная опасность грозит английским коммуникациям в Индийском океане.

Операции против Бирмы развернулись так. Первый удар был направлен против имеющих стратегическое значение укреплений в Мергуи-Пойнте, на северо-западном побережье Малаккского полуострова. Овладев этим пунктом, японцы предпринали наступление восточнее устья реки Салвин. Основной удар в этом районе был направлен на Раангун (столица Бирмы). В результате развернувшихся боев японцы подошли к реке Салвин и заняли город Моулмейн, на побережье Мартабанского залива.

Операции на реке Салвин продолжались около двух недель. Японцам удалось форсировать эту реку и оттеснить англичан к западу, к реке Билинг. Позднее, в двадцатых числах февраля, английские войска вновь отошли к западу и заняли позиции между реками Билинг и Ситанг.

Японцы продвигаются в Бирме медленнее, чем в Малайях. Это объясняется как тяжелыми условиями войны в тропических лесах, так и более упорным сопротивлением англичан и бирманцев. Здесь уже создается угроза известной и очень важной Бирманской дороге, связывающей Китай с внешним миром через Бирму и порт Раангун.

Военные действия в Голландской Индии носят несколько своеобразный характер. Многочисленные большие и мелкие острова Голландской Индии разбросаны на обширном пространстве. Однако не все острова и не все территории страны представляют для японцев одинаковый интерес: только несколько районов и пунктов имеют решающее экономическое и стратегическое значение. Это прежде всего места, где добывается нефть, и военные базы. Вот почему японцы направили главный удар именно на эти районы: город Брунеи (в северо-западной части острова Борнео), остров Тораканг и город Балик-Папан. Атаковавшие были также Кучинг, остров Целебес и Бисмарк, некоторые пункты на Целебесе. В конце января японцы попытались развернуть операции против острова Ява, на котором находится важнейшая военная база Голландской Индии— Суэрабая. Японцы потеряли в этих боях транспортов и военных кораблей. В Макассарском проливе, между островами Борнео и Целебес, японские суда были встречены морскими и воздушными силами союзников. Развернулось крупное морское сражение, в котором японцы понесли большие потери: в течение ночи нашли себе могилу много японских военных кораблей и транспортов.

Операции японцев против Голландской Индии в конце февраля значительно расширились. 18 февраля после бомбардировки японцы сбросили парашютные десанты в город Палембанг на острове Суматра—в центре нефтяной промышленности. Захватив город при помощи морских десантов, японцы расширяют сейчас район оккупации на острове.

Готовясь к операциям против главного острова архипелага — Ява,— а также к нападам на Австралию, 20 февраля японцы высадились на острове Тимор, половина которого принадлежит Португалии, не участвующей в войне, чем нарушили нейтралитет маленькой страны. В этот же день японская авиация впервые бомбардировала территорию Австралии — порт Дарвин в северной части материка. В эти же дни были высажен десант на острове Бали, у восточной оконечности Явы. Последняя операция у острова Бали стоила японцам больших потерь. В крупном морском сражении, главным образом с голландским флотом, японцы потеряли потопленными или поврежденными больше десяти военных кораблей.

В центральной и восточной частях Тихого океана активные операции велись лишь в начале войны. Помимо нападения на Гавайские острова, японцы развернули военные действия также вдоль линии важных американских морских баз на островах Гуам, Уэйк и Мидуэй. Здесь американцы имели незначительные гарнизоны. Слабая защита и отдаленность от главной морской базы США позволяли японцам сравнительно легко захватить Гуам и Уэйк. Сопротивление американских войск на острове Мидуэй продолжается.

Союзники на Тихом океане пока что ограничиваются оборонительными операциями, заканчивая расстановку своих сил в нужных районах и выделяя значительные силы, особенно морские, для охранения слишком длинных, растянутых коммуникаций. Достижением союзников является сохранение такой коммуникации от Гавайских островов к Новой Зеландии и Австралии (жирный пунктир на карте), о чем было объявлено недавно американским командованием.

Американский флот в февале произвел смелый налет на японские базы на Маршальских островах и в архипелаге Джильберта.

Следует отметить также, что американское побережье все больше становится ареной войны. Немецкие и японские подводные лодки появились в Карибском море и у западного побережья США, близ Калифорнии.

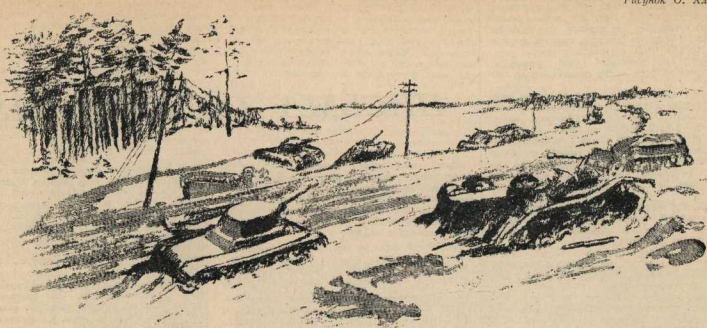
* * *

Итак, в первой стадии войны Японии удалось добиться известных успехов. Большую роль сыграла здесь внезапность нападения. Сказалось также некоторое стратегическое преимущество Японии на Тихом океане. Большинство японских баз расположено близко от района военных действий, тогда как базы США и Англии находятся далеко от театра войны. От самой Японии до Филиппин, например, немного больше тысячи миль, от американского побережья до Филиппин — почти 7 тысяч миль. Простой расчет показывает, что американскому флоту, вышедшему, скажем, из базы Пирл-Харбор к Филиппинам, пришлось бы затратить времени на переход — шесть раз больше, чем японцам, вышедшим туда же из Японии. Японцам удалось нанести с воздуха большой ущерб флотам Англии и США. В результате неожиданного нападения потонули ряд крупных американских кораблей. Погибли такие мощные корабли британского флота, как линкор «Принц Уэльский», линейный крейсер «Рипалс». Японский флот ныне сильнее объединенных флотов Англии и США в Тихом океане.

То обстоятельство, что Япония добилась известного господства в юго-западной части Тихого океана, дает ей лишь временное преимущество и осложняет задачу союзных стран. Но исход войны определяется не временными успехами, и японское командование великолепно отдает себе в этом отчет. Вот почему японцы прилагали все усилия к тому, чтобы провести войну быстро и несколькими решающими ударами одержать полную победу. Однако «молниеносной» войны не получилось. Война принимает явно затяжной характер. В конечном счете исход борьбы решат материальные и людские ресурсы воюющих стран. В этом отношении перевес, несомненно, на стороне союзников.

[1] Данные статьи относятся ко второй половине февраля.

Рисунок О. Хлудовой.



Ю. ЛИБЕДИНСКИЙ

ПО ФРОНТОВЫМ ДОРОГАМ

Из-за елей, заснеженных и неподвижных, то стихающая, то разгорающаяся слышна перестрелка. Но бойцы неосчитываемой вереницей идут по узкому проселку и даже не оборачивают голов в ту сторону, откуда доносятся выстрелы. Там делают свое дело: добивают какую-то группу фашистских головорезов.

На перекрестке запоможены разбитые немецкие танки, видны многозначительные следы яростной схватки, которая шла за шоссе. Взбежав на пригорки, на крутую насыпь шоссе, танки застыли, исковерканные в последнем судорожном усилии, подняние пушки к серебряносерому русскому небу, бесподвижному, зимнему небу. Одни из немецких танкистов ввиде замороженного чучела валяется здесь же. Лицо его расквашено сокрушительным ударом красноармейского приклада, и пуговицы, неисчислимое количество пуговиц, рассыпаны вокруг этой скорченной и окровавленной, смерзшейся куклы. Пуговицы мужские и дамские, всех форматов и раскрасок. Одни прикреплены к бумажкам, другие аккуратно нанизаны на бечевочки. Бойцы идут молча мимо и даже презрением не удостаивают эту карикатуру, отвратительную, страшную и смешную.

Бойцов не интересуют мертвые немцы. Они идут по следу тех, кто сумел жаньем бежать отсюда. В глазах сияние, вдохновенное и лихорадочное, губы запеклись. Морщинки, тоненькие и красноватые, точно нацарапанные иголкой, бороздят эти, еще молодые, усталые, полные героической решимости лица. Они идут — и немцы не могут выполнить свои задачи, не могут оторваться от наших наступающих войск, не могут остановиться, передохнуть, сомкнуть поредевшие ряды, наспо переформироваться. Тщетно оставляют они заслоны из числа самых отчаянных головорезов, чтобы уцнять отволги свои основные силы на последующие рубежи. Заслоны их уничтожаются. А главные наши силы продолжают преследовать отступающих, и немцы бегут, бросая танки, пулеметы, минометы. Мы не успеваем собирать трофеи на подмосковных дорогах.

В этом марше наших колонн не заметно торопливости. Обычный шаг русского пешехода. Да к тому же на ногах крепкие, новые валенки. И тем не менее немцы бегут и никак не могут убежать от этого размеренного шага. Дело в том, что немцам нужно спать ночью. Обязательно. Они привыкли; какими бы кровавыми преступлениями ни был заполнен прошедший день,— в двенадцать часов нужно идти спать и до 7 часов утра пролежать в тепле. Иначе шнупфен — насморк,— можно простудиться.

А наши бойцы идут по родной земле. Они видят вокруг пепелища деревень. Они на дороге встречают обезумевших женщин и умирающих стариков. Они видят детей, вянущих от голода на руках матерей, так как немец отнял у матери последний хлеб, который она берегла для ребенка. Нет, нашим останавливаться нельзя! И, вздремнув на снегу в то короткое время, когда колонна останавливается, чтобы выяснить дальнейший маршрут следования, похлебав горячих щей, которые привезены походной кухней, они идут вперед, и немцы не могут убежать от этого шага.

* * *

Женщина везет в саночках ребенка. У ней синие, яркие глаза, и нет ничего в сегодняшней затуманенной природе, что было бы ярче этих синих пытливых глаз. Она сама начинает рассказывать. Двенадцать дней просидела она в яме; немцы не выпускали, даже помыться нельзя было выйти:

«Рус, сиди! Рус, молчи». Сами забрались в избы, а часовой нахий одно затаенное одеяло постелил, другим накрылся, лежит на крыльце, глядит из-под одеяла на нас, на баб, головы нам из ямы поднять не дает и сам, видать, нас боится. Наша авиация вылетела, из пулеметов била по ним. Да разве пу-

— Вот он, душегуб проклятый!— говорит Мария Константиновна Головина, указывая рукой на бездыханное тело фашистского солдата, ограбившего ее дом. Презрение и гнев слышит бойцы в голосе женщины. Бить, бить без пощады фашистских бандитов, знать их без передышки с родной земли!

леметами надо! Бомбы бросать надо! Избы надо жечь, чтобы всех их спалить, проклятых!

Мы переспросили. Нет, все верно, именно так она*а сказала. Она сказала, что надо было выжечь родную деревню, спалить родную избу, только чтоб истребить немцев.

— Бейте их, товарищи! Бейте беспощадно, я бы сама их била,— так сказала она на прощание.

Тысячи людей, испытавших немецкое насилие, идут по прифронтовым дорогам... Они останавливают бойцов, они рассказывают, возмущаются, благословляют на бой.

Сытый мозгнательский конец выводит из глубины леса сани, груженные всяким имуществом. Возле саней крестьянин, пожилой, но сухощаво-крепкий. Он бережно ведет коня под уздцы. За санями идут парень и девушка.

— Ну, как немец? — спрашиваем мы.

— В высшей степени подлец,— раздельно, с глубокой серьезностью отвечает крестьянин.— Не человек, а подлец!

И опять следует рассказ о глумлениях и ограблениях, о детях, застреленных так себе, за здорово живешь, о надругательствах над женщинами, о грабеже.

Правда, ограбить Алексея Федоровича Колесниченко, так зовут нашего собеседника, немцам не удалось. Он уехал в глубь леса, куда немец ходить боится, и спрятал там свое имущество. От его дома осталась одна печь с трубой. Но ничего, Алексей Федорович еще отстроится. У него шесть сыновей, двадцать шесть внуков. Из шести сыновей пять в Красной Армии, да еще племянник Василий Федорович, полковник.

— При мне только младший остался. И этот пойдет,— сказал Алексей Федорович, показывая на рослого парня, который стоит рядом.

Его ясные глаза встретили взгляд отца, и он чуть усмехнулся. Да, он пойдет на войну. Он пойдет защищать отца и соседей и оборонять свою великую родину. И также мстить за свой очаг, за свою милую деревню Ржевку и колхоз «Луч», которые никогда ничего дурного не делали Германии, а германские войска пришли к ним и разорили.

Разорили, ограбили, обозлили, но уничтожить не могли. Перестрелка в лесу еще продолжается, поля еще продолжает идти по ровному на запад, и хотя все дома деревни Ржевки стоят без стекол, трубы еще начинают дымиться: люди возвращаются к своему очагу.

Со стороны Москвы идет группа женщин. Их сопровождает мужчина в шинели, но в винтовкой на плече. Оказывается, это уполномоченный райсовета. Нужно собрать имущество колхозное и частное, нужно сосчитать, сколько жителей возвратилось, завезти хлеб, керосин...

— И ладно,— перебивает одна из женщин.— Нам больше ничего не нужно. Нам масла не нужно. Пусть это бойцам идет.

У нее тоже на саланках ребенок. А в руках вытянет белый дед-мороз. Да, дед-мороз займет почетное место в избе. Его нужно поместить рядом с теми фотографиями, на которых изображены гордость семьи — осанистые полковники и лихие сержанты. Дед-мороз не плохо поработал в декабре, взаимодействуя с нашей артиллерией, с танками и стрелками.

Как великий костер, обступили немцы Москву в ноябре месяце. Бешеный немецкий вой стоял на московских дорогах. Больно все суживаюсь. Волчьи своры отбивали мы исцеляющими потоками артиллерийского огня, сокрушительными танковыми ударами, напором стрелковых полков. И вот немцы отходят.

Это еще не окончательная победа над ними. Но уже начинают оправдывать себя все беспримерные жертвы, труды и невзгоды советских людей. Недаром лилась драгоценная кровь тех, кто на первых, на вторых и на третьих рубежах бился с врагом, сдерживал и ослаблял напор бешеных гитлеровских полчищ. Ограниченные живой стеной сражающихся дивизий, вырели и выжигались в нашем глубоком тылу новые неисчислимые полки. Они приблизили к фронту — немец побежал, и мы не дадим ему остановиться.

Так начинает давать свои плоды простой, прозорливый и мудрый план разгрома врага, план, рожденный гением полководца Сталина.

А. ЕРУСАЛИМСКИЙ

ПИСЬМА ОБРЕЧЕННЫХ

Наши части заняли Боровск. Везде следы ожесточенного боя и немецких поджогов. На площади, возле широких ворот старинного белокаменного монастыря, стоит, как застывшие, чудовища — большие немецкие танки, подбитые автомобили. Возле них валяются трупы немецких солдат.

Вот лежит один из них, а рядом сумка, из которой вывалилась большая связка писем. Одно письмо, адресованное Зейпелю Фишеру, написано в Мариенбаде 31 октября 1941 года.

«Я надеюсь,— писала какая-то женщина своему «Гуттие»,— что идет последнее сражение и что к рождеству ты вернешься домой». Но ей не теснится, и еще до встречи она хотела бы получить из России посылочку, «теплимер пару сапожек. № 35 или хорошую шубку». Разумеется, все это «только напамять». Глупая немка не получит ни сапожек, ни шубки, ни ответа. А ее «Гуттие» уже получил свое. Он не вернулся домой к рождеству и уж не вернется больше никогда.

Все остальные письма предназначались, видимо, для отправки из военной части в Германию. Они написаны в последних числах декабря. В каждом из них более или менее подробное описание проведенной рождественской ночи.

Сначала немцы надеялись провести эту ночь в Москве. Гитлер обещал им это. Он обещал, что к рождеству Москва падет к его ногам, русские капитулируют, а немецкие солдаты получат отпуск. На деле получилось совсем не так. «Мы уже не думали вновь участвовать в здешних боях, и опять-таки произошло все по-новому,— жалуется унтер-офицер Рихард Золинг в письме, адресованном ефрейтору Альфреду Герзингу.— За несколько дней до рождества пришел приказ выступать. Так как мы потеряли много машин, нам пришлось машины других частей. Вскоре мы очутились на огневых позициях. Некоторые из нас были размещены в деревнях. Другие, менее счастливые, должны были расположиться в дотах, сооруженных при отчаянном морозе и упорным трудом».

Гитлеровские молодчики убедились, что значит русская зима. 25 сентября представитель германского командования хвастливо заявил иностранным корреспондентам: «Генерал Зима не находится больше на службе у русских. Мы сами приветствуем его приход». Зима наступила — и обер-ефрейтор Карл Эберт на собственном опыте убедился в том, что гитлеровское командование занималось бахвальством. Эберт пишет своим родителям: «Сейчас мы вырываем себе убежище. Это чудовищная работа. Земля замерзла на целый метр. Она тверда, как бетон, и даже незаметно, что мы за целый день сделали».

Немецкая часть расположилась на позициях и должна была продвигаться дальше на Москву. «Мы здесь находимся всего лишь на расстоянии 60 километров от Москвы,— писал ефрейтор Шмидт своей жене.— Наши пушки направлены на город Наро-Фоминск. Я думаю, что мы находимся к Москве ближе, чем какие-либо другие части». Немцам все еще казалось, что путь к конечной цели недалек. Но вскоре и эти надежды развеялись как дым. «Создается представление,— писал ефрейтор Ганс Блясс своим родным в Карлсбад,— что мы задержимся здесь надолго. Продвинуться вперед не удается, так как русские не сдают города, а мы никак не можем его захватить». Некоторые солдаты уже начали понимать, что они не смогут не только продвигаться вперед, но даже и удерживать захваченные ими позиции. Они испытали всю силу ударов Красной Армии, а когда немцы бьют, он лучше начинает думать. Многие из них в рождественскую ночь задумались над своей судьбой. «Можете себе представить,— писал ефрейтор Георг Флейшер своей семье,— какое может быть настроение, когда при страшном морозе в рождественскую ночь стоишь снаружи на посту и думаешь!..»

Не все решались писать о том, что они думали и что пережили. Они опасались, что письмо попадет в руки цензуры. «Правду я тебе писать никак не могу, а выдумывать или рассказывать каждый и не хочу,— признавался обер-ефрейтор Циммерман своей жене. В том же духе писал и унтер-офицер Иозеф Фольмуг: «Мне действительно трудно описывать здешние события. Вы их, наверное, представляете себе совершенно иначе. Но здесь с цепи спущен дьявол, и часто кажется, что этот ад не кончится никогда... Да, война с Россией — это не детская игра. На всю жизнь вы запомним эту зиму...»

Но долго разлучаться немцам было некогда. Тем более некогда было праздновать. «Рождественских праздников мы, в сущности, не заметили,— пишет обер-ефрейтор Карл Эбер.— Русские беспрестанно посылали нам свои рождественские «подарки». Это рождество я буду вспоминать всю жизнь... В течение ближайших восьми дней я писать не смогу».

«Глубоко лежит снег в безлюдном лесу, где мы расположились, но еще глубже лежит наш дот,— читаем мы в письме другого ефрейтора, Эрнста Мейера.— Вокруг нас мороз... В рождественский вечер все мы, четверо обитателей дота: студент-медик, студент-музыкант, финансовый инспектор и я,— были настроены сначала довольно воинственно, но затем каждый из нас незаметно проливал слезу».

Другие, менее чувствительные и менее откровенные, писали о том же. Воинственный пыл гитлеровских орав начал иссякать. «Все время стрельба, так как русские постоянно атакуют нас и стремятся пробиться, где только можно»,— сообщает ефрейтор Георг Флейшер,— поэтому праздники были очень беспокойные».

Унтер ежегодно обещал немцам закончить войну в течение нескольких месяцев. Но кто ему больше поверит? «Уже прошло третье рождество, а мы еще не можем вернуться домой»,— жалуется Флейшер. Как и многие, многие другие, он уже мало верит, что вообще когда-нибудь ему удастся вернуться. «Тот, кто останется здоров,— пишет он,— и сможет вырваться из страшного похода в Россию, никогда не сможет достаточно отблагодарить бога».

Это чувство обреченности сквозит во многих письмах немецких солдат. Огромные потери их пугают. «До сих пор,— пишет вахмистр Георг Хор,— и в большом сражении Белосток — Минск, и на позициях под Брянском — Вязьмой, и в последнем наступлении на Москву, мы отделывались в некоторой степени счастливо. Сейчас мы имеем очень большие потери. Нам приходится скверно». «Я еще здоров,— писал ефрейтор Иозеф Вольф.— Но нам пришлось изрядно много перенести. Буду доволен, если сегодня все останется так же, как и вчера».

Но надежды, что «все останется так же, как и вчера», становятся беспочвенными. Красная Армия вырвала инициативу из рук гитлеровского командования. Ее мощные удары ошеломили немецких солдат. Эти удары начали про-

трезвыль немцев. «Что касается нашего нынешнего участия на центральном участке фронта, то все здесь выглядит весьма будрно. Русские беспрестанно подвергают воздушным налетам наши основные боевые порядки. Русские бомбардировщики настойчивы даже при наихудшей погоде, что заставляет нас сильно волноваться». Каждое письмо исполнено страха перед боевыми действиями советской авиации. «Вчера ввиде исключения русские летчики пощадили нас, но сегодня я целый день не вылезаю из укрытия,— скулит ефрейтор Пфейфер. «Наибольшей опасностью для нас являются вражеские самолеты, которые — это прямо не верится — беспрепятственно выполняли свою разрушительную работу,— пишет унтер-офицер Рихард Золлинг.— Уже много раз они пролетали над нами бреющим полетом. В странном их действии я убедился теперь на собственном опыте».

Немецким солдатам пришлось убедиться и во многом другом. Им пришлось убедиться в лживости гитлеровских заверений, будто Красная Армия полностью разгромлена и более не существует. «У нас создалось до проклятия неприятное положение,— пишет ефрейтор Пфейфер своей жене Минне.— Русские неизменно атакуют нас, и за одной тысячей появляется другая. Как я слышал, русские прорвались на нашем правом фланге». На следующий день солдат Франц Файтель сообщает, что «Красная Армия наносит удары не только на фланге. Русские жмут нас крепко, атакуя по всему фронту. Трудности, с которыми встречается наша армия, невозможно себе представить. Летчики нападают на нас с высоты в 50 метров, сбрасывают бомбы и ведут прицельный огонь. Наше укрытие, переполненное людьми, было разрушено прямым попаданием в мое отсутствие. Надо же иметь счастье!»

Не здесь, так в другом месте настигнет гитлеровца русская бомба, русская пуля, русский штык. Отлично действует и русская артиллерия. «Пушки снова грохотали совсем близко,—жалуется унтер-офицер Рихард Золлинг.— Естественно, рождественские праздники этого года сильно пострадали от этих необычных обстоятельств и связанного с ним постоянного страха». Он перепуган, этот гитлеровский унтер-офицер. Он убедился, что война против советского народа — это не легкая прогулка и не церемониальный марш. Весь народ встал на защиту своей родины. Гитлеровский унтер считает это особенностью Восточного фронта. «Этот фронт,— пишет он,— имеет своеобразные условия, о которых я не могу тебе писать. Только одно обстоятельство может наилучшим образом информировать тебя: мы каждый день должны следить, как бы русские не вошли с нами в соприкосновение с тыла. Возможно, и ты уже слыхал о партизанах в России. Теперь они развернули свою дикую деятельность, и часто, разумеется, успешно».

Удары Красной Армии сильно подорвали дух гитлеровских солдат. Они сами в этом признаются — одни намеком, другие более откровенно. Многие из них уже не верят в победу. «С великой тревогой я думаю: как все это кончится и когда?» — пишет Пфейфер. Известно, что Гитлер обещал победоносно закончить войну не позднее, чем в конце 1941 года, но вот год истек, а победы нет. Не видно и конца войны. Унтер-офицер Фольмут уже не ждет победы. «В русских мы достаточно ошиблись,—пишет он.—Это очень сильный противник». Фольмут хотел бы, чтобы война закончилась хотя бы в 1942 году. Ефрейтор Пфейфер настроен еще более мрачно: «На 1942 год надеюсь возлагать нельзя». «Разочарование его поводу событий на Восточном фронте очень велико»,—сообщает Франц Файтель своей сестре в Вюрцбург.

Этот солдат — владелец крупной скотопромышленной фирмы. Даже с фронта он пишет на фирменном бланке. У него свои заботы. Ему так приглянулась Украина! Он так мечтал воспользоваться захваченными скотом и землями, чтобы расширить свои дела! «Что еще только будет с Украиной!— беспокоится он.— Я этого себе не представляю!» Богатый скотопромышленник в солдатской форме не может себе представить, что из Украины его прогонит так же, как и с других захваченных советских земель. Он еще надеется, «что руководству удастся остаться хозяином положения». Но на себя он уже больше не надеется. Он хочет только, чтобы ему «удалось выбраться отсюда благополучно». Он видит только один просвет: «Мне теперь лучше, так как в ближайшие дни мы должны двинуться назад».

Красная Армия заставила гитлеровские полчища откатиться назад. Немцам не удалось отпраздновать рождество в Москве. На подступах к Москве многие из них нашли себе могилу. Впервые гитлеровская военная машина, основательно потрепанная, вынуждена была попятиться обратно. Все это сильно подорвало дух гитлеровских солдат. Как еще можно поддержать этот дух? Об этом думают Гитлер и Геббельс. Об этом думает и баварский скотопромышленник Франц Файтель. Гитлер старается убедить своих солдат, что отступление носит «стратегический» и «планомерный» характер. Новой порцией демагогии и пустых обещаний он пытается подбодрить свою армию. Он заверяет, что войска «отходят на зимние квартиры». Но у баварского скотопромышленника солдата Франца Файтеля свой взгляд на вещи: «Шло бы наступление, отступали бы русские, тогда можно было бы поддержать дух в войсках, чтобы превозмочь неприятности. Но русские почти ежечасно нас атакуют. Наша пехота переживает тяжелое время. Как артиллерии, так и зенитчикам приходится сражаться теперь с невероятным напряжением, принося все в жертву. А с поисками сколько-нибудь хороших квартир сейчас покончено». «Писать я больше не расположен,— мрачно добавляет он. Он больше не сможет писать, как и многие, многие солдаты его части, разгромленной нашими войсками.

Западный фронт.

Здесь побывали фашистские громилы... Вот как выглядит после изгнания гитлеровских выродков одна из комнат дома великого русского композитора Чайковского в Клину.

Здесь побывали фашистские изверги... Всюду, где ступила их нога, остается кровавый след: сожженные дома, изуродованные трупы мужчин, женщин, детей, стариков. Вот они — невинные жертвы озверелых варваров. Вечная память погибшим! Сильнее разгорайся, пламя народной мести!

Квентин Рейнольдс · Эрик Уолш

Пилот Эрик Уолш (слева) в гостях у журналиста Квентина Рейнольдса

Я познакомился с ним на одной из баз авиации береговой обороны и пригласил зайти ко мне в первый же его приезд в Лондон. Надо сказать, что он там не был ни разу с начала войны.

Получив отпуск, он отправился в Большой город и разыскал меня. Мы мирно провели вечер, а затем отправились спать. Около трех часов утра Уолш разбудил меня:

— Как вы можете спать, когда вокруг непрерывно рвутся бомбы?

Это удивило меня:

— Вас будит вой бомб? Очень хорошо. Но ведь сейчас бомбы не падали!

Высоко в небе было слышно гудение самолетов, доносилась стрельба из зенитных орудий.

— Слышите?—возбужденно спросил он.— Вот... Вот еще одна...

Тогда я понял, в чем было дело. Уолш ни разу не был в Лондоне; он не был знаком с ночными лондонскими концертами, не слышал звука падающей, рвущейся бомбы.

— Это не бомбы; это бьют орудия, крупные зенитные орудия. И звук их совершенно непохож на разрыв фугаски.

— Орудия? — недоверчиво переспросил он.

— Вы же летчик-бомбардировщик. Сколько бомб вы сбросили за последние семь месяцев?

— Штук восемьсот — девятьсот.

— И вы не знаете разницы между звуком зенитки и бомбы?

— Я никогда не слышал, как рвется мой груз, — как бы извиняясь, произнес он. — Расстояние и, главное, рокот моторов убивают все звуки.

— Ну, побудете здесь — узнаете. А теперь — спать. Если начнут сыпаться бомбы, я разбужу вас.

Тремя ночами позже Лондон пережил тяжелый налет. Это были неприятные часы. Довольно близко разорвалась бомба. За ней последовало еще пять.

— Ну, хватит, друг мой, — сказал я Уолшу. — Пошли вниз. Когда бомбы падают так близко, лучше быть внизу, а не на пятом этаже.

— Да ведь это не бомбы, трусишка, — рассмеялся летчик. — Это орудия. Крупные зенитные орудия. Неужели вы не отличаете бомбу от зенитки?

Как раз в этот момент раздался продолжительный, быстро нараставший свист падающей бомбы. Она разорвалась за нашим домом, и все здание качнулось. Электричество погасло...

— Возможно, вы правы,—сказал летчик.— Возможно, это действительно бомбы.

Мы спустились вниз. Там успели зажечь свечи, и при их свете мы пробеседовали до самого отбоя.

Уолш — не знаменитость: он пилот, каких очень много в частях королевских воздушных сил. То, что делает он, делают тысячи летчиков. Это меня и привлекало. Конечно, в английской авиации есть ассы, сбившие по тридцать фашистских самолетов. Но это — исключение. Есть летчики-бомбардировщики, награжденные за разрушение Дортмунд-Эмского канала или за успешную бомбежку Темпльгофского аэродрома. Эти — тоже исключение. А вот Уолш — обычный, средний летчик-бомбардировщик, который летает над территорией Германии или патрулирует над морем шесть дней или ночей в неделю, неделю за неделей. Послушайте его рассказ, и вы поймете, что парни, совершающие подвиги в воздухе, несмотря на то что являются обычными, простыми парнями.

Уолш родился в Торонте и, как все канадские мальчуганы, свое детство и юность провел на коньках. Спорт закалил его, сделал крепким, выносливым.

После окончания колледжа он стал клерком. Его старший брат, Арч, в это время странствовал по свету, и письма, которые он писал домой из Сингапура, и Танжера, и Рио, возбуждали воображение юноши. Затем Арч отправился в Англию и в следующем письме сообщил, что вступил в королевский военно-воздушный флот.

Это было слишком для Уолша. В воздухе пахло войной. До сих пор Эрик никогда даже не сидел в аэроплане, но письма от брата заставили его подумать о переменe профессии. Он стал летчиком.

Эрик никогда не забудет свой первый боевой вылет. В то утро даже командир эскадрильи слегка взволновался. У берегов Норвегии был обнаружен германский линейный корабль «Шарнхорст». Летчикам поставили задачу потопить его. В воздух поднялось первое звено. Но оно не обнаружило фашистский корабль.

Тогда вылетело второе звено. Его повел Фини. Фини был чудесный малый, который великолепно знал свое дело, и он-то и нашел этот самый «Шарнхорст», шедший неладеке от Бергена в сопровождении шести эсминцев.

— Мы находились на высоте трех тысяч трехсот метров,— вспоминает Уолш, будто все это произошло только вчера.— Немцы начали постреливать из зениток. Мы летели сквозь разрывы снарядов, вышли на цель и сбросили бомбы. Навстречу ринулось 45 «мессершмиттов». Им удалось нас разъединить. Но все мы желали скорей добраться до спасительных облаков. Два «мессершмитта» атаковали нас сверху, но промахнулись, а наш задний стрелок выпустил по ним меткую очередь.

Самым волнующим случаем в своей боевой деятельности Уолш считает встречу с германской подводной лодкой:

— День за днем выслеживали мы ее, подлую. И поймали однажды в сумерки. Солнце было у меня за спиной — враг не заметил машины. Море бурлило. Мы летели на высоте в триста, затем в сто пятьдесят метров. С этой-то высоты штурман и сбросил бомбы. Четыре штуки! Как раз на нее. В следующее мгновение я уже был за лодкой, но стрелок радист видел, что бомбы разорвались там, где надо. До чего же я волновался, что промахнусь!..

Теперь у Уолша другая работа. Он стал летчиком-«почтиком». Уолш недоволен, говорит: скучно. Он летает над Норвегией, бомбит транспорты, бомбит базы: Ставангер, Берген и Листер.

— Право же, скучная работа и совершенно безопасная, — говорит он серьезно. — Нет ни единого шанса на неудачу. Когда кончится война, я поступлю на работу в гражданский флот и буду летать на большом транспортном самолете. Я не люблю рисковать жизнью.

— Конечно, друг мой, — сказал я, — вы совсем не любите рисковать жизнью...

И мы оба весело рассмеялись.

Перевод с английского
Юрия СМИРНОВА

Р. НИКОЛАЕВА

РИТМ ФРОНТА

Как-то вечером Василий сказал жене:

— Знаешь, Маруся, жаль, если нам придется расстаться.

— Да, конечно, Василь, разлучаться трудно. Но на то и война; значит, так надо. Ты, как все...

Василь немного удивился спокойствию, с которым ему отвечала Маруся:

— Права ты. Только я ведь не про то... Жаль, говорю, если Сергею и Мачика переведут в другие бригады. С кем я работать буду? Руки у них редкие — не руки, а тиски. Заберут, и все. А потом придут и скажут: принимай других, расти, обучай. Обязательно так скажут. Жаль, право, жаль...

Но Марусе была непонятна эта своеобразная и преждевременная грусть по товарищам, с которыми работал муж.

А утром Мачик (так звали его ребята в бригаде) пришел и повторил то же, что вчера говорил его бригадир Василий Гудков:

— Жаль расставаться с вами, но вот повестка. Воевать пойду. А вы тут без меня сами уж молоточком поступкивайте.

И при парне решили отпраздновать проводы. Отпраздновать здесь, в цехе, у своего рабочего места. Никто не произносил торжественных речей, никто из них ни на минуту не останавливал работы.

Только Сергей Румянцев заметил:

— Вот, друг, сначала мы фронту пошлем наш общий подарок, а потом и *тебя* отправим — тоже вроде подарка. Ты ведь человек надежный...

Бригадиру молодежно-комсомольской бригады Гудков подозвал секретаря комсомольского бюро Рассказова и объявил:

— Сегодня последний день работаем втроем. Вот наше задание, а выполним мы в четверо раза больше. Так уж мы договорились. Следи за нами. К концу рабочего дня вместе подсчитаем проценты.

И началася трудовой день. На рабочем столе у каждого несложный инструмент — бронзовый молоток и напильник. А деталей всего четыре. На первый взгляд, процесс не сложен: нужно принять деталь к основной части. И если работа сделана мастерски, часть отправляется в сборочный и на конвейер. Смотришь на этот не по годам серьезные, сосредоточенные лица, на ловкие, проворные движения, и хочется сравнить эти руки с руками взъерошенных кружев, чья работа тонка и быстра. Поперемешно молоток и напильник переходят из одной руки в другую, на минуту молоток откладывается, руки-пилки держат основную часть, проворный взмах напильника — деталь принята.

Кажется, что трое молодых рабочих пустили сегодня в ход все: и силу напряжения, и лучшие чувства, и внимательность.

Несколько раз подходил к столу комсорг цеха: хотелось узнать, как идут дела. Но времени было заговорить, нельзя было нарушить красивый ритм труда.

— Для тебя, фронт,— говорили руки.

Эти слова эхом отдавались в звуке бронзового молотка.

— Для тебя, фронт,— звучало в цехе.

Изредка отрывались глаза от детали. Хотелось узнать: а как сосед? О чем думает сейчас Мачик? Сколько штук он подогнал?

Каждый из троих был воплощением неисчерпаемой юношеской энергии.

Поздно вечером три парня сказали:

— Все. Подсчитаем.

Подсчитали. Норма была выполнена на 462%. Это был первый рекорд бригады за дни войны, за дни фронтовой жизни завода.

Мачик уехал на фронт, в его друзья в этот день разошлись по домам.

Жена Василия шутила:

— Смотри, как бы и Сергея у тебя не взяли. Опять загрустишь.

— Каждому своя очередь, не всех сразу,— отвечал на этот раз Василий.

Снова наступил трудовой день. Теперь в бригаде остались двое — Василий да Сергей Румянцев.

— За Мачика, что ли,— сказали друзья и улыбнулись. Они поняли друг друга с полуслова.

Задумано — сделано. Сказано — сработано. Друзья на этот раз дали восемь норм за смену. Вторая победа. Они работали не только за себя, но и за товарища, ушедшего на фронт.

Вскоре бригадир Гудков остался без бригады: Сергей Румянцев стал тоже бригадиром.

— Вырастал на свою голову,— смеялся Василий.— Придется начинать сызнова.

Что и говорить. Всякие были мысли... Думалось, что трудно будет сразу набирать фронтовой темп, да и не всякий сможет работать, как Сергей, казалось Гудкову. Но на сей раз он ошибся. К нему пришли молодые слесари-сборщики. Пришли и сказали:

— Мы хотим работать по-фронтовому. Наши руки отдыха не любят.

Это понравилось Гудкову, и сразу был найден общий язык слов и поступков.

В эту пору молодые автозаводцы думали о том, чем они отметят годовщину Красной Армии. Кто-то из комсомольцев предложил ознаменовать этот славный день производственными рекордами знатных стахановцев-комсомольцев.

— Этого мало,— сказали товарищи.

Сообща решили начать вервее поднять социалистическое соревнование. Пусть могучая молодежная волна потянет за собой отстающих, пусть вырастит завод новых героев трудового фронта.

Комсомольцы и молодежь завода по-хозяйски подсчитали, поразмыслили, что они могут сделать, что они могут дать фронту, и только тогда обратились с письмом ко всей молодежи Советского Союза.

В этом письме было сказано и про бригаду Гудкова, которая работает на выполнении фронтовых заказов. Бригада обязалась давать не ниже трех производственных норм в день.

Сейчас Гудков вспоминает:

— Мастер пришел ко мне и сказал: «Вот принимай рабочий класс в свою бригаду. Обучи, сам знаешь, как и чему». Познакомились — ребята все хорошие. Сразу в дело пошли. На третий день тяжку: задание выполнили в полтора раза больше.

Однажды произошел такой случай. Сборщики Горовой и Орлов одновременно взялись за дело. У одного работа спорится, у другого заминка. В чем дело? Детали одни, инструмент тоже. Оказалось, что Орлов не сумел хорошенько приготовить рабочее место. Бригадир заметил замешательство молодого сборщика:

— Как же ты, Орлов? Или забыл про письмо? Почему отстаешь? Горовой семь штук подогнал, а ты три. Сравнить счет.

Прошло немного времени, и Орлов вошел в темп работы бригады.

Приказ, просьба бригадира — закон. Это отлично знают в цехе. От комсомольца или молодого рабочего здесь не услышишь: «Хорошо, я постараюсь сделать», «Я подумаю», «Может быть». Ответ всегда один: «Есть. Будет сделано».

В комсомольско-молодежной бригаде Гудкова пять человек. Пятеро людей, исполненных трудового упорства, рабочей смекалки и юношеского пыла. Они сказали: три нормы в день — и слова их не расходятся с делом.

Сейчас коллектив Василия Гудкова обновился. Пришли новые люди, но ритм работы остается прежний, его слышат здесь, на заводе, его ощущают там, на фронте.

Московский Автозавод им. Сталина.

Полковник В. ПРУНЦОВ

„Дегтярев-пехотный“

Старая русская поговорка учила: «Стреляй редко, да метко». Эта поговорка, как показал опыт современных войн, нуждается в существенной поправке. Если в отношении меткости она полностью сохраняет свое значение и по сей день, то первая ее часть, несомненно, должна быть пересмотрена. Редкая стрельба уже не удовлетворяет изменившимся условиям боя. Цели стали появляться на короткое время. Чтобы поразить, скажем, перебегающую пехотную группу противника, стрелок должен не только быстро прицелиться, но и успеть за короткое время выпустить большое количество пуль. Для этого наряду с меткостью нужна еще большая скорострельность оружия. Очень высокий темп стрельбы, более высокий, чем наша пятизарядная винтовка, дает ручной пулемет Дегтярева.

В начале XX столетия появился и получил широкое распространение станковый пулемет. Обладая большой скорострельностью, дальностью боя, точностью и мощностью огня, он сыграл значительную роль в боевых действиях всех воюющих армий.

Однако далеко не всегда пехота может полностью использовать огневую мощь станковых пулеметов. Мешает этому тяжесть станкового пулемета, вес которого достигает 60 килограммов и больше. При наступлении, при быстрых передвижениях пехоты тяжелый станковый пулемет отстает. Сама жизнь настоятельно потребовала создания нового огнестрельного оружия, которое сохранило бы такие свойства станкового пулемета, как скорострельность, меткость, большая огневая мощь, но было бы гораздо легче и подвижнее. Конструкторы занялись облегчением станкового пулемета: отбросили тяжелый станок, заменив его легкой сошкой, часть деталей ликвидировали вовсе, другие упростили за облегчили.

Так родился ручной пулемет.

Различные образцы ручных пулеметов — одни более, другие менее удачные — появились на вооружении армий. Франция к 1 января 1917 года имела уже 31 тысячу ручных пулеметов. Начали обзаводиться легкими пулеметами Германия, Англия, Австро-Венгрия. И только одна Россия до конца первой империалистической войны не имела своих ручных пулеметов, хотя работы по конструированию легкого автоматического оружия велись у нас с 1906 года. Пионерами в этой области были выдающийся оружейник профессор Владимир Георгиевич Федоров и работавший вместе с ним талантливый изобретатель Василий Алексеевич Дегтярев.

Советская власть по-настоящему оценила важность и значение ручного пулемета. В начале 1918 года был создан первый в России завод автоматического оружия, на котором стали работать В. Г. Федоров и В. А. Дегтярев.

Сейчас Красная Армия вооружена великолепным ручным пулеметом, заслуженно считающимся одним из лучших в мире. Автор и создатель этого чудесного оружия — Герой социалистического труда В. А. Дегтярев. В честь своего творца пулемет назван «ДП» — «Дегтярев-пехотный».

На огневой позиции с ручным пулеметом.

Над созданием ручного пулемета Дегтярев работает с 1923 года. Другие конструкторы становились на путь использования и переделки иностранных образцов. Дегтярев не захотел идти этой наиболее легкой, проторенной дорогой. Он задался целью создать собственную, оригинальную конструкцию ручного пулемета и одержал блестящую победу.

Чем же замечателен «Дегтярев-пехотный»? Какими качествами и свойствами снискал он себе столь широкую популярность и любовь?

Ручной пулемет должен быть легок, подвижен, компактен, удобен в обращении, меток в стрельбе, надежен в бою, прост по конструкции. Всеми этими качествами обладает «Дегтярев-пехотный».

От обыкновенной винтовки он отличается прежде всего своей большой скорострельностью. Магазин винтовки надо перезаряжать через каждые 5 выстрелов, тогда как «ДП» перезаряжается только после 47 выстрелов. Стрелок из винтовки в минуту производит в среднем 10 прицельных выстрелов. Из ручного пулемета короткими очередями, с исправлением наводки можно делать до 100—125 метких выстрелов в минуту. Иными словами, один боец из ручного пулемета способен выпустить столько пуль, сколько 10—12 стрелков из винтовки.

Ручной пулемет легок: вместе с сошкой он весит всего 8,4 килограмма. Это его делает чрезвычайно подвижным, маневренным оружием. Он всюду может следовать за пехотой. В бою его может переносить один боец.

Ручной пулемет при наступлении подавляет огонь противника и сковывает его силы; в обороне — расстраивает ряды и останавливает продвижение неприятеля; им можно поражать быстро передвигающиеся открытые одиночные и групповые цели, расстреливать спускающихся парашютистов, подавлять вражеские огневые точки, уничтожать прислугу орудий.

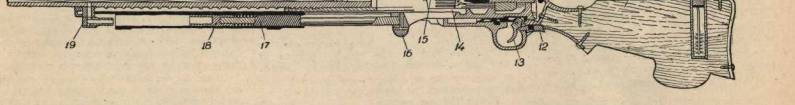
Трудно перечислить все многообразные задачи и возможности боевой работы ручного пулемета. Приведем несколько примеров, взятых из практики великой отечественной войны с немецкими захватчиками.

На одном из участков Карельского фронта началось наступление крупного отряда белофиннов. Операции врага поддерживались артиллерийским огнем. В тыл наступавшему отряду пробрался сержант Петренко. Обнаружив два неприятельских орудия, он скрытно приблизился к ним, залег и открыл огонь из ручного пулемета. Несколькими меткими очередями расчеты обоих орудий были уничтожены. Орудия смолкли. Заслышав пулеметную стрельбу у себя в тылу, белофинны прекратили наступление и бросились назад, к оружиям. Там их встретил огнем своего «ДП» сержант Петренко. Отважный боец сдерживал взбешенных белофиннов и так и не дал им возможности приблизиться к орудиям. Вскоре подоспела наша пехота. Отряд белофиннов был уничтожен, оба орудия захвачены.

Другой пример. Десять моряков во главе со старшим сержантом комсомольцем Василием Кисляковым, оказавшись, защищали важную в тактическом отношении высоту Н. В атаку на горсточку храбрецов ринулась многочисленная банда немецких фашистов. Точным огнем из ручных пулеметов и винтовок моряки отбили жестокую атаку. Фашисты, неся потери, откатились. Спустя некоторое время, перестроившись, они снова двинулись на штурм высоты — и с тем же результатом. Так повторялось несколько раз.

У моряков кончились патроны. У одного лишь Кислякова оставалось несколько дисков. Старший сержант приказал девяти своим товарищам отправиться за боеприпасами и остался один защищать высоту.

Ждать долго не пришлось. Свыше ста немцев, открыв ураганный огонь, с воем и криками бросились на краснофлотца. Мужествен-



Вот как устроен ручной пулемет Дегтярева (разрез): 1) ствол, 2) мушка, 3) радиатор, 4) кожух, 5) магазин с патронами, 6) прицел, 7) ударник, 8) ствольная коробка, 9) замыкатель, 10) приклад, 11) масленка, 12) предохранитель, 13) спусковой крючок, 14) выбрасыватель стрелянных гильз, 15) отражатель, 16) рукоятка рамы, 17) возвратная пружина, 18) поршень, 19) газовая камора.

ный боец сумел сохранить хладнокровие. Скупыми, но точными очередями он спокойно поражал врагов. Склоны высоты оказались сплошными ранеными, покрылись грудами убитых. Немцы не смогли заглядеть высотой. Пулеметом и гранатами Кисляков отбрасывал фашистов до тех пор, пока не прибыло подкрепление. Высота осталась в наших руках.

Так с помощью ручного пулемета один боец выдержал бой с сотней фашистов.

Из ручного пулемета можно сбить низко летящий самолет, вывести из строя танк. Не так давно, например, комсомолец-краснофлотец Л. Кубацкий короткой очередью из ручного пулемета сбил пикировавший фашистский бомбардировщик.

Ручной пулемет применяется и в пехоте, и в кавалерии, и в авиации, и на мотоциклах, и в танках. Поэтому знать и владеть им должен каждый боец, к какому бы роду войск он ни принадлежал.

Принцип действия ручного пулемета заключается в следующем: образующиеся при выстреле пороховые газы не только выталкивают из канала ствола пулю, но и производят перезаряжание. Часть газов, пройдя вслед за пулей по каналу ствола, попадает через газовое отверстие (см. рисунок) в газовую камеру и нажимает на поршень. Поршень отходит назад затворную раму с затвором. При этом затвор захватывает с собой стреляную гильзу и выбрасывает ее вон. Но вот кончилось действие газов. С помощью возвратной пружины затвор возвращается вперед. По пути он захватывает из приемника магазина очередной патрон, а ударник, двигающийся вместе с затворной рамой, разбивает капсюль. Происходит новый выстрел. Снова повторяются все те действия, которые описаны выше. И так пулемет будет стрелять до тех пор, пока стрелок не отпустит спусковой крючок или не иссякнут все патроны.

«Дегтярев-пехотный» вызывает удивление оружейников всего мира простотой своей конструкции, необычайной легкостью сборки и разборки. В этом отношении он не имеет себе конкурентов среди заграничных ручных пулеметов. Достаточно сказать, что для сборки или разборки пулемета «ДП» не нужно ни отверток, ни ключей.

Темп стрельбы «Дегтярева-пехотного» весьма высок: 600 выстрелов в минуту. Но в непрерывной стрельбе с такой скоростью нет практической необходимости. Кроме того при выпуске слишком длинных очередей линия прицеливания неизбежно собьется. Потеряется меткость огня.

Поэтому обычно из ручного пулемета стреляют короткими очередями: 3—4 выстрела. После каждой очереди стрелок исправляет наводку.

Прицельная дальность действия ручного пулемета определяется в 1500 метров. Но выгодное всего стрелять на расстоянии до 800 метров. Хороший, меткий пулеметчик на таких расстояниях может поразить любую цель, потратив при этом минимальное количество патронов. В летящие самолеты лучше стрелять на расстоянии до 500 метров.

Не следует забывать, что частота и меткость стрельбы — понятия не равнозначные. Можно развить весьма интенсивную пальбу, можно выпустить тысячу пуль — дело это нехитрое — но что толку, если весь этот свинцовый ливень будет пущен впустую.

Стрелять надо часто и метко. Открывать огонь следует сразу же, как только завидишь врага, даже с максимальных дистанций. Шквал пулеметного огня, обрушенный на противника, поможет подавить его огневые средства, уничтожить его живую силу, дезорганизует его. Для того чтобы истребить ненавистных захватчиков, жалеть патронов нечего.

Но стрелять надо не наобум, а по конкретным целям. Чем поднее будут использованы пулеметы, чем активнее и метче будет огонь, тем больший урон понесет враг, тем скорее будут деморализованы его ряды.

Молодые патриоты Страны советов! Овладевайте ручным пулеметом! Учитесь стрелять метко. Учитесь стрелять так, чтобы на одна выпущенная из пулемета пуля не пропала даром, чтобы каждый выстрел поразил врага.

Красноармеец П. Авранчук

НА СТРАЖЕ СОВЕТСКОГО НЕБА

(Письмо из Действующей армии)

Уважаемые товарищи, я решил вам написать о том, как наша батарея стоит на страже советского неба.

Найти нашу батарею трудно. Если пройдете метров четыреста от одного пункта, о котором я не могу вам сказать, то вы увидите маленькую поляну. С одной стороны кусты и березы, а с другой — тихо-тихо течет небольшая река, обнесенная противотанковым рвом. Если стать возле реки и посмотреть на поляну, то покажется, что кроме кустов никого там нет. А в действительности на этой поляне стоит наша батарея, и с какой бы стороны враг ни заглянул, он ничего не обнаружит. И недаром однажды посыльный штаба целый час тут ходил, пока нас нашел.

Фашистские стервятники много раз глотали наш орудийный огонь, а найти нас так и не смогли.

Все мы сидим в окопах. Один только разведчик с биноклем, в зеленом комбинезоне, разрисованном желтыми листьями, все время наблюдает за воздухом. Но вот, в какой-то момент мы слышим шум мотора. Разведчик докладывает:

— Над тридцать два слышен шум мотора.

— Поймать цель! — командует наш смелый комбат лейтенант Разумов и подкручивает свои пышные рыжие усы.

Бойцы тихо, быстро и спокойно занимают места у орудий и приборов. Стереоскопист младший сержант Жайворонок ловит цель и распознает ее:

— Самолет противника. Высота сорок ноль, ноль.

Прибористы докладывают:

— Скорость девяносто.

Самолет скрывается за облака, он хитрит, изворачивается, хочет нас провести. Комбат спокойным голосом командует:

— Совмещать.

Из укрытия поднимаются четыре ствола, обвязанные ветками, их ведут наводчики за целью. С прибора докладывают:

— Есть совмещение.

— Огонь!

И четыре выстрела бьют стервятнику в нос. Тогда пират снова прячется в облако.

— Наблюдать! — командует комбат.

Теперь фашистский самолет вылетает с другой стороны. Навстречу ему гремит еще один залп, и вражеская машина уже дымится. Пират хочет ударить, хочет сесть под аэродром. Он сбрасывает бомбы в лес, набирает скорость и без оглядки удирает. Но в это время вылетает наш истребок и добивает врага пулеметной очередью. Колхозники и бойцы подбирают двух раненых фашистских летчиков и ведут их в штаб.

Не было еще случая, чтобы наша батарея не отогнала фашистских бомбардировщиков; и ночью и днем — с какой только стороны ни залетали враги — они всегда получали горячий свинцовый ответ.

Но вот один раз фашисты решили послать много самолетов, чтобы уничтожить наш объект и нас, зенитчиков. Ночью прилетели разведчики. Они сбросили осветительные ракеты, но ничего не увидели. Пришло утро, на горизонте блеснули первые лучи солнца. Бойцы лежали в окопах, наслаждаясь утренним фронтовым сном. Один только наблюдатели возле каждого орудия чутко прислушивались к каждому шороху.

С восточной стороны загудели моторы. Фашистские летчики думали укрыться за солнечным лучом. Но нас не проведешь. У нас зоркие глаза. Сразу раздалась команда:

— По местам!

И прибористы начали быстро вырабатывать данные. Комбат покрутил свой рыжий ус и сказал:

— Не волноваться. Наводить в головные. Приготовить снаряд по штурмовой.

Только стервятники вышли на боевой курс, их сразу встретил огонь. С первого залпа один самолет загорелся и кувырком полетел к земле. Остальные были сбиты с курса. Все-таки пираты пошли на пикирование. Тогда комбат сказал, подбодряя бойцов:

— Сейчас дадим штурмовой.

И он дал каждому орудию по одному стервятнику и приказал самостоятельно вести огонь.

Пираты, обвязанные с курса, бросали бомбы мимо объекта. Мы вели штурмовой огонь. Все небо было в дыму. Два пирата пикой устремились на нас. Но младший сержант Беда метким пулеметным огнем заставил их отойти.

Когда небо было очищено от вражеской нечисти, мы вышли из окопов посмотреть на воронки. Вся земля вокруг была изрыта. Возле самой батареи было сброшено около ста бомб, а в лесу втрое больше.

С командного пункта уже мчались к нам командир части Макаренко, комиссар Екимович и военврач Шехонцев. Они считали, что после такой бомбежки, по крайней мере, половина батареи выведено из строя.

А комбат наш улыбнулся, кашлянул, покрутил ус, вышел из окопного места и доложил:

— Товарищ капитан. Сбито два самолета противника. Жертв нет. Матчасть боеспособна за исключением... Разбит ящик с запасными кабелями.

— Молодцы! — сказал капитан.

— А мы считали — у вас жертвы,— добавил военврач.

— Нет,— ответил комбат,— у меня орлы,— и он поласкал рукой на стоящих бойцов.

Капитан приветствовал всех бойцов и вынес благодарность.

На этом день не кончился. Фашистские летчики, наверное, доложили своему командованию, что объект разбит, и оно послало на проверку разведчика, которого бойцы называют «стрекоза». Когда «стрекоза» прилетела, бойцы вновь заняли свои места, и каждый поставил перед собой задачу сбить это поганое насекомое. Так оно и вышло. Четыре сварда ударили по фашистской «стрекозе» и прекратили ее жизнь.

Наш объект продолжал нормальную жизнь, а батарея уже слушала новые стихи красноармейца Первоцвита:

«Пират фашистскою машиной
Пошел на хитрость в облако,
Комбат кричит (светя улыбкой):
«Разбить еще одно звено».

Вот так мы и воюем с фашистскими стервятниками. Все мы бойцы кадровой службы, и, когда кто-нибудь нас хвалит, мы отвечаем:

— А что же, разве даром два года учили нас?

Северозападный фронт.

А. РУТМАН,
военный корреспондент «Смены»

УЧВАТОВ

(ИЗ ФРОНТОВОГО БЛОКНОТА)

Писать об Учватове хочется много и неторопливо, половина моего блокнота заполнена заметками о нем. Сейчас, когда нужно писать наспех, никак не придумаешь, что же именно рассказать.

Учватову двадцать один год. Губы у него пухлые, загорелое лицо покрыто мальчишескими веснушками. Он мордвин, родился и вырос где-то около Наровчата. Ростом Учватов невысок и в плечах узок. На вид тщедушен, но в тяжелых походах не раз брал он с плеча уставшего Рябова, парня богатырского сложения, ручной пулемет и нес его несколько километров, не сбавляя шага.

Я не знаю ни одного подвига Учватова. Он не подбивал танков, не закалывал в штыковой схватке сразу нескольких врагов. Он просто лейтенант, командир стрелкового взвода, но это подлинный отец-командир. Кто видел его в бою, не мог не любоваться им.

Он спокойно ведет людей в атаку, спокойно выводит их из окружения, спокойно подымает наган, чтобы отрезвить труса, который грозит внести в ряды бойцов губительную панику.

Скольким людям спасло жизнь это спокойствие! И бойцы—а некоторые из них старше своего командира вдвое — доверчиво идут за ним. Они знают: Учватов не подведет.

Батальон получил приказ к вечеру любой ценой взять деревню П.; от этого зависит успех действий крупного соединения.

Задача взвода Учватова — прорваться вперед, выбить из окопов слева от деревни противника и фланговым огнем обеспечить продвижение батальона.

Взвод рассредоточился и вышел из лесу в мелкий кустарник. Артиллерия и минометы врага тут же открыли огонь.

— Вперед! — крикнул Учватов и побежал.

Нужно было быстро пробежать через открытое поле, потом метров триста проползти по заболоченной низине и перейти в штыковую атаку.

Чем дальше, тем ожесточенее огонь. От частых разрывов поле покрылось черным дымом и пылью. Стало трудно дышать. За двадцать шагов бойцы уже не видели друг друга. Но голос Учватова был слышен всем.

— Вперед! — кричал Учватов.— Вперед!

Люди прижимались к земле, вскакивали и бежали, бежали на этот голос.

На рубеже поля и низины сплошной шквал огня преградил дорогу бойцам. Видимо, вся артиллерия, все минометы врага сосредоточили огонь против одного взвода. Люди залегли. Не было сил рвнуться головой в жерло огнедышащего вулкана. Учватов пропал в дыму.

— Как нам пройти, товарищ лейтенант?! — крикнул кто-то из бойцов.

Учватов выпрыгнул из черного клуба дыма. Он постучал по уху, показывая, что оглушило, сказал «возьмем левее» и побежал налево.

Неизвестно, когда и как заметил он или узнал, но слева оказалась узкая и глубокая оросительная канава. Не потеряв на этом участке ни одного человека, взвод преодолел огненную завесу.

Артиллерия и минометы врага перенесли огонь ближе к лесу: в атаку пошел батальон. Взвод продвигался под огнем пулемета и автоматчиков. Но они били вслепую, бойцов маскировал пороховой дым, который тучей сползал в низину.

Добравшись до кустиков, окопы врага уже где-то недалеко. И вдруг Учватов снова исчез. Сначала его окликнули осторожно, потом стали звать громче и громче. Ответа не было. Кто-то сказал: «Лейтенанта убили». Тогда все без команды бросились вперед: выручать командира или отомстить.

А он бежит навстречу и строго поднимает руку — знак тишины:

— Не шуметь, враг близко, я видел окопы. «Ура» не кричать. За мной!

Немцы, как всегда, не приняли, не выдержали штыкового удара. Их расстреливали из винтовок и ручных пулеметов в спины, подпрыгивающие на бегу. Потом взвод открыл фланговый огонь, обеспечивая продвижение батальона. Задача была выполнена.

Откуда у этого кареглазого, медлительного юноши, почти мальчика, такой безошибочный военный глазомер, такая выдержка, такая осторожность и решительность? Быть может, он с детства мечтал и готовился быть командиром?

— Нет, зачем же,— Учватов говорит по-русски с еле заметным акцентом, очень мягким и очень приятным.— Я хотел быть агрономом, думал в Тимирязевку идти. Но решила комсомольская организация — вот и стал военным.

Действующая армия.

М. МАТУСОВСКИЙ

ФРОНТОВАЯ ДРУЖБА

Два скорых воинских состава
Стоят на станции одной:
Теплушки красные — направо,
Налево — пушек грозный строй.
В одном стоят артиллеристы,
В другом — пехотные полки.
Дым паровозный в поле чистом.
Пути-дороги далеки.
Холстом покрыты жерла пушек.
Зенитки смотрят в облака.
В одной из фронтовых теплушек
Земляк заметил земляка.
Они знакомились недолго,
И, поделившись табачком,
Один спросил: «Откуда?» «С Волги».
«Рад повстречаться с земляком».
У пехотинца на петлицах
Мишень с винтовками была,
А у другого на петлицах —
Два орудийные стволa.
И побратались меж собою
И подружились на века
Великой дружбой фронтовою
Два славных волжских паренька.
Но расходились их вагоны.
Простым пожатием руки
Перед отходом эшелонов
Легко простились земляки.
Они расстались, и, однако,
Сильна их дружба и крепка.
Когда стрелок идет в атаку,
Он вспоминает земляка.
Он слышит, как гудят снаряды,
Как враг дрожит пред их огнем,
Он верит, что волжанин рядом
И тоже думает о нем.
Его товарищ твердо знает,
Что пехотинец рядом с ним,
И путь ему подготовляет
Могучим валом огневым.
Так мы друг другу помогаем,
Сплотившись в тесную семью,
И эту дружбу называем
Взаимодействием в бою.

ГОРОД Д.

Страшного века свидетель безгласый,
Выжженный город открыл перед нами
Красные камни, как рваное мясо,
Мертвые стены с пустыми глазами.
Горе людское, уют человечий,
Судьбы семейные — все обнажая;
Настежь распахнуты стены и печи,
С карточки женщина смотрит чужая.
Небо над всею землей проясняется,
Память о прошлом затянется глухо,
Но человечеству ночью приснится
Площадь пустая, как десна старухи,
Рвы и воронки кромешного ада,
Глыбы бетона и содранной жести,
Голые руки сгоревшего сала,
Вечно зовущие к бою и мести.

«Воздушный линкор» на старте. Бешено вертятся 4 мотора, развивающие мощность в 8 тысяч лошадиных сил. Гигант мчится по полю. Сейчас он оторвется от земли — и 82-тонная громада легко и плавно поднимется в воздух.

«ВОЗДУШНЫЙ ЛИНКОР»

В США прошел летные испытания 82-тонный сверхбомбардировщик «Дуглас В-19», названный американцами «воздушным линкором». Новый летающий гигант может совершить беспосадочный перелет из Лос-Анджелоса в Лондон, а затем, не приземляясь, пересечь Атлантический океан в обратном направлении и совершить посадку в Нью-Йорке. Это в пять раз превышает радиус действия эсминца в первую мировую войну. Самолет имеет четыре

19» в цехе Сборка еще не ата подходит к концу. Скоро самолет покинет стены за-

чи лошадиных сил каждый, установок, которая вполне достаточна для океанского лайнера водоизмещением тысяч тонн. «3-19» может взять бомб в десятки тысяч килограммов бойцов с полным вооружением. «воздушного линкора» можно судить следующим данным. Размах крыльев превышает высоту 20-этажного дома. Под каждым крылом может свободно поместиться многоместный пассажирский самолет, под крылом которого, в свою очередь, можно было бы поставить легкий бомбардировщик. Под рулями высоты можно упрятать пару спортивных самолетов.

Бортмеханики свободно, во весь рост входят внутрь крыла. Для заливки баков самолета горючим требуется полная железнодорожная цистерна. Каждое колесо шасси приходится поднимать краном. Для изготовления стоек шасси в Америке не нашлось достаточно мощного станка. Пришлось специально построить самый большой в мире револьверный токарный станок, способный обработать изделие диаметром около 3,8 метра.

Одно лишь шасси «воздушного линкора» весит больше, чем легкий бомбардировщик. Руль направления имеет подвижную плоскость, поверхность которой составляет 22 квадратных метра. Ни один пилот не был бы в состоянии повернуть такой руль. Для этого установлены специальные вспомогательные моторы, так называемые сервомоторы.

Количество и калибры пушек и пулеметов сверхбомбардировщика засекречены. Однако известно, что у самолета нет ни одной «мертвой зоны», где вражеский истребитель не попадал бы под губительный огонь «линкора».

Сверхбомбардировщик может летать на высоте 9—12 тысяч метров, т. е. практически недосягаем для зенитной артиллерии и неприятельских истребителей. Спокойно летая над вражеской территорией, экипаж такого самолета сможет произвести тщательные математические и астрономические расчеты и бомбить вражеские объекты с большой точностью.

В настоящее время в Соединенных штатах Америки проектируется еще более мощный самолет, вес которого достигнет 100 тонн.

Так выглядит хвостовое оперение сверхбомбардировщика. Установленная в хвосте мощная пушка обрушит губительный огонь на неприятельские истребители, если они попытаются атаковать «линкор» сзади.

Военный словарь

Линейный корабль (сокращенно — линкор) — наиболее крупный артиллерийский корабль. Он способен наносить противнику мощные артиллерийские удары, а также противодействовать его операциям. Линейные корабли, или линейные силы, составляют ядро, костяк военно-морского флота. Новейшие корабли этого класса имеют водоизмещение 35—45 тысяч тонн; они вооружены мощной артиллерией. На линкоре имеется 8—10 орудий (калибром от 14 до 16 дюймов), установленных в хорошо бронированных башнях. Кроме того на борту линкора есть еще большое количество вспомогательной артиллерии — противоминной и зенитной. Линкоры хорошо защищены броней, общий вес которой достигает 41% водоизмещения. Бронируются борта, палубы, орудийные башни, боевые рубки, внутренние переборки.

Максимальная скорость хода современного линкора — 32 узла, дальность плавания (без захода на базу для пополнения запасов горючего) — до 10 тысяч миль. Длина такого гиганта — около 240 метров, ширина — 33 метра. Линкор имеет на борту несколько гидросамолетов, которые поднимаются, или, как говорят моряки, выстреливаются, в воздух при помощи особого устройства — катапульты.

Авионосец несет на себе авиацию для обеспечения действий флота в открытом море, для воздушной разведки и атаки неприятельских кораблей с воздуха. Авионосец имеет специальную летную палубу, с которой колесные самолеты взлетают и на которую садятся. Водоизмещение авионосца—15—30 тысяч тонн, скорость хода — 32 узла. Он вооружен артиллерией среднего калибра — по 6 дюймов — для борьбы с легкими силами противника и мощной зенитной артиллерией. Некоторые крупные авионосцы имеют на борту свыше 100 самолетов.

Крейсер — боевой артиллерийский корабль, предназначенный для разведки и дозорной службы в море, для вывода в атаку легких сил и для других целей. В зависимости от назначения крейсеры делятся на тяжелые и легкие; водоизмещение их бывает от 3 до 10 тысяч тонн. Тяжелые крейсеры вооружаются 8-дюймовой артиллерией, легкие — 6-дюймовой. Все крейсеры имеют зенитную артиллерию и торпедное вооружение, а также 1—2 самолета. Скорость хода современного крейсера — 40 узлов, дальность плавания — до 16 тысяч миль.

Эскадренный миноносец (сокращенно — эсминец) — корабль преимущественно с торпедным вооружением, предназначенный в основном для нанесения мощного торпедного удара противнику. Эсминец несет также разведочную и дозорную службу, выводит в атаку торпедные катера, используется для походного охранения кораблей флота и конвоирования торговых судов. Эсминцы имеют обычно на вооружении несколько 4—5-дюймовых орудий и до 12 (на некоторых американских эсминцах — 16) торпедных труб. Для борьбы с подводными лодками на эсминцах применяются глубинные бомбы. Водоизмещение эсминца — 1200—1500 тонн, скорость хода — до 45 узлов. Эсминцы несколько большего водоизмещения (до 3 тысяч тонн) называются лидерами. Эсминцы меньшего водоизмещения (500—600 тонн) называются миноносцами. Все корабли этого класса имеют специальную аппаратуру для постановки дымовых завес и приспособления для постановки минных заграждений.

Торпедный катер — малый корабль водоизмещением от 10 до 50 тонн с очень мощным двигателем, благодаря чему он может развивать скорость до 50 узлов (92 километра в час) и даже больше. Вооружен 1—3 торпедами. Используется для торпедных атак преимущественно в прибрежных районах.

Цена 2 рубля

(По страницам красноармейской газеты «На врага»)

ЛИСА ИЗ-ПОД ЕЛЬЦА
(БАСНЯ)

Лиса из дальнего сельца,
Из-под Ельца,
Стрелой промчалась в лес
И ну хвалиться:
— Ах, сестры, где я ни была.
Какой там птицы только нет:
Индюшки, гуси, утки, пчелы...
Ну, право,
Вот бы был обед!
Набиты курами дворы,
Амбары все, сараи, клети...
И как пестры! До сей поры
Таких не видела на свете!..
— Так сколько ж курочек
ты съела?
— Жирны! Я кушать не
хотела...
— А что ж, лиса, ты без
хвоста?
— А сзади где-нибудь
отстал...

Смысл басни мы не утаим:
Фашисты лживым языком своим
Приобрели всемирную
известность.
И, удирая в страхе из Ельца,
Твердить всем будут без
конца,

Что не понравилась им
местность.

Красноармеец А. ЗУБАНОВ

ПИТАНИЕ В ГЕРМАНИИ

— Фразу Миллер, что вы получили на продуктовую карточку?
— Еще десять таких же карточек...

Младший лейтенант
Н. ЛОСЕВ

ГЕББЕЛЬС ЗАБОЛЕЛ

Геббельс про Ростов узнал —
Сразу в обморок упал.
Прибежали доктора:
Геббельса лечить пора.
Думали и день и ночь:
Как бы Геббельсу помочь?
Но ведь Геббельс — не
мужчина,
А свирепая скотина,
Чтоб лечить его удар,
Нужен здесь ветеринар.

Красноармеец Г. СМИРНОВ

НОВОЕ В БЕРЛИНСКОМ БЫТУ

1. Поговорка

Уходя из квартиры, не забудь
погасить зажигательную бомбу.

2. Песенка

Спи, берлинец мой
прекрасный,
Баюшки-баю,
Тихо падают фугаски
На постель твою.

3. Происшествие

— Мама, я этими щепками растопила печь.
— О, боже! Да ведь колбаса!

Красноармеец Р.

РУССКИЙ ШТЫК

Отважный воин нашей части ефрейтор тов. Смирнов, отбивая атаку немцев, трех фашистов заколол штыком и двух — застрелил.
— И пуля — не дура, и штык — молодец, — смеясь, говорят бойцы.

Давным-давно сказал Суворов,
Что молодец — наш русский штык,
А пулю за вертлявый норов
Не очень-то хвалил старик.
С тех пор столетия промчались,
Мы не один держали бой,
И ныне вновь стеной поднялись
Богатыри земли родной,
Как прадеды, мы гадов кроем
Каленой сталью и свинцом,
И штык у нас — всегда героем,
Чудесным другом, молодцом.
Насквозь он грудь врагу
пронзает,
В атаке впереди идет,
Бойцу дорогу расчищает
И пуле меткость придает.
Презренный враг, погибель чуя,
Еще мечтает победить,
Но, только завидев в штыковую,
Он, как блудливый пес, бежит.
Знать, у него кишка тонка —
Боится русского штыка!

* * *

И наш девиз: крошь гранатой,
Коли штыком, прикладом бей.
На штык глядя молодцеватый,
И пуля сделалась умней.

Младший лейтенант
В. КОРОВИН

В МИРЕ БАНДИТОВ

«Убивая мирных жителей Ростова, немцы одновременно грабили. Они разгромили магазины, опустошили большинство квартир. Город был во власти обезумевшей от бешенства банды кровожадных зверей» (из газет).

Ариец тащит, а бандит
С дремучей завистью глядит:
«Вот это — жулик, это — вор!
Какой быть может разговор, —
Рецидивист я и уркан,
Но перед ним — дитя, пацан...»

Ответственный редактор — М. Г. ОСИПОВ. Издательство «Правда».
Адрес редакции: Москва, 40, улица «Правды», 24. Тел. Д 3-34-24. Непринятые рукописи не возвращаются.
А 50852. Подписано к печати 13/III—42 г. Изд. № 190. Формат 72×110 см. 3 п. л. Зн. в 1 п. л. 98 000. Заказ 496 Тираж 60 000 экз.
Типография газеты «Правда» имени Сталина, Москва, ул. «Правды», 24.

3 АПР. 1942